

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»
Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра «Социология и политология»

РАБОТА ПРОВЕРЕНА

Рецензент,

_____/_____
« ____ » _____ 2018 г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

И.о. заведующего кафедрой,
к.социол.н.

_____/С.В. Одяков/
« ____ » _____ 2018 г.

Либертарный муниципализм: теория и практика (на примере
Демократической Федерации Северной Сири)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 41.04.04. 2018. 304 - 235. ВКР

Руководитель, доцент, к.и.н.

_____/ С.С. Логиновский /
« ____ » _____ 20 ____ г.

Автор

студент группы СГ – 238

_____/ Д.А. Лыков /
« ____ » _____ 20 ____ г.

Нормоконтролер, профессор

_____/ В.Е. Хвощев /
« ____ » _____ 20 ____ г.

Челябинск 2018

АННОТАЦИЯ

Лыков Д.А. Либертарный муниципализм: теория и практика (на примере Демократической Федерации Северной Сирии) – Челябинск: ЮУрГУ, СГ–238, 2018. – 117 с., библиогр. список – 65 наим.

Выпускная квалификационная работы выполнена с целью рассмотреть теоретические основы и практическое применение идеи либертарного муниципализма на примере Демократической Федерации Северной Сирии.

В работе проанализированы этапы развития идей анархизма, представлены отличия классического анархизма от постклассического, рассмотрены основные принципы теории либертарного муниципализма с выявлением её достоинств и недостатков. В последней главе на основе практического применения теории в Испании и в Демократической Федерации Северной Сирии проведен анализ практического применения рассматриваемой теории.

Теория либертарного муниципализма при ряде достоинств (внимание к экологическому состоянию миру и расширению участия населения в политических процессах) остается маргинальной и не до конца проработанной. В реализации практических принципов за основу берутся лишь основные положения демократических советов самоуправления, тогда как другие принципы переработаны или вовсе не учтены.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
СРАВНЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ПЕРЕДОВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	8
1 ИСТОРИЯ АНАРХИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.....	9
1.1 Протоанархизм	9
1.2 Классический период.....	14
1.2.1 Уильям Годвин	14
1.2.2 Макс Штирнер.....	17
1.2.3 Пьер-Жозеф Прудон	19
1.2.4 Михаил Бакунин.....	22
1.2.5 Петр Кропоткин	25
1.2.6 Бенджамин Такер	30
1.2.7 Диего Абад де Сантильян	34
1.3 Постклассический период	37
1.4 Типология анархистских учений.....	40
2 ТЕОРИЯ ЛИБЕРТАРНОГО МУНИЦИПАЛИЗМА	45
2.1 Социальная экология Мюррея Букчина	45
2.2 Основные принципы либертарного муниципализма	52
2.3 Место Либертарного муниципализма в теории анархизма	60
2.4 Недостатки теории либертарного муниципализма.....	64
2.4.1 Политическая сфера.....	64
2.4.2 Экономическая сфера	70
2.5 Достоинства теории Либертарного муниципализма.....	72
3 ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ЛИБЕРТАРНОГО МУНИЦИПАЛИЗМА НА ПРАКТИКЕ	77
3.1 Практика либертарного коммунализма в Испании (1936–1937 гг.)	77
3.1.1 Синдикалистская экономика	79

3.1.2 Коллективизация в сельском хозяйстве	82
3.2 Практика либертарного муниципализма в Демократической Федерации Северной Сирии (2014–2018)	87
3.2.1 Предыстория создания Демократической Федерации Северной Сирии .	87
3.2.2 Прямая демократия в Демократической Федерации Северной Сирии....	91
3.2.3 Новая экономика	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	106
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	110

ВВЕДЕНИЕ

Международный экономический кризис в 2008 году возродил интерес к левым идеологиям в мире. В тоже время старые социально-демократические движения и партии переживают кризис и не способны ответить на глобальные вызовы современности (проблемы экологии; несправедливое распределение благ). Всё чаще исследователи и обычные граждане обращаются к новым левым идеологиям, надеясь в них найти ответы на современные вызовы. Одним из таких ответов может стать теория либертарного муниципализма, придуманная М. Букчиным в конце XX века. Теория либертарного муниципализма выступает за трансформацию общества на основе практики прямой демократии и муниципальной экономики.

Актуальность данного исследования носит как научный, так и прикладной характер. В мире наблюдается рост недоверия к традиционным институтам представительной демократии с одной стороны. С другой стороны создается всё больше общественных движений, выступающих за расширение самоуправления городов. В то же самое время в Сирии происходит создания демократической федерации на основе теории либертарного муниципализма. Создание курдской автономии очень важный и конфликтный процесс. От его успеха или неудачи зависит ситуация в Сирии и на Ближнем Востоке, которая непосредственно влияет на геополитические интересы России и её безопасность. Эти тенденции и процессы уникальны как для Ближнего Востока, так и для мира. Они требуют новых исследований, как самой теории либертарного муниципализма, так и её применения на практике.

Объектом исследования работы будет феномен либертарного муниципализма, а предметом: теория и практика либертарного муниципализма на примере Демократической Федерации Северной Сирии. Цель исследования: рассмотреть теоретические основы и практическое применение идеи либертарного муниципализма на примере Демократической Федерации Северной Сирии.

Выяснить: способна ли данная теория стать теоретической основой для новых движений, выступающих за самоуправление обществом. Для достижения цели в работе ставится несколько задач:

1. Рассмотреть историю развития теории анархизма и выявить типологию анархистских идей.
2. Выделить основные принципы теории либертарного муниципализма.
3. Определить место либертарного муниципализма в теории анархизма.
4. Выявить основные достоинства и недостатки теории.
5. Проанализировать опыт построения либертарного муниципализма на практике

На основе выявленной проблемы исследования была сформулирована гипотеза, что теория либертарного муниципализма может стать теоретической основой для современного левого движения, как на Западе, так и на Востоке.

Проблемами теории либертарного муниципализма посвящено много исследований в первую очередь в западной литературе. Данной проблематикой занимались такие исследователи как: Джанет Биэль, М. Альберт, Дж. Зерзан, Джон Кларк, Боб Блэк, Д. Гребер, Анна Флах. В России проблематикой либертарного муниципализма занимаются не так много исследователей, и большинство исследований посвящено изучению практики либертарного муниципализма в Демократической Федерации Северной Сирии. Среди исследователей можно выделить Максима Лебовского, и Леонида Исаева.

В исследовании были использованы, такие методы как: исторический, анализ, сравнительный, классификации, абстрагирования, дедукции.

В работе три главы. В первой главе представлены основные теории анархического движения, которые оказали влияния на М. Букчина и его теорию. Во второй главе анализируются основные положения теории либертарного муниципализма, разбираются недостатки и достоинства теории. В третьей главе идет сравнение практик построения теории либертарного муниципализма в Испании и в Западном Курдистане.

СРАВНЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ПЕРЕДОВЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В зарубежной науке теория либертарного муниципализма на рубеже 90-х гг. находилась под пристальным вниманием исследователей. Её изучали как представители левых идеологий, так и независимые исследователи. Среди представителей левой идеологии данной проблематикой занимались такие исследователи, как Боб Блэк, Дж. Зерзан и Д. Гребер. Они анализировали теорию либертарного муниципализма с позиции современного анархизма, пытались оценить её вклад в идеологию новых левых на Западе. Среди независимых исследователей можно выделить Джона Кларка и М. Альберта, которые больше внимания уделяли анализу практической части теории, её возможному воплощению в реальных институтах современного общества. В целом в западной науке сложилось скептическое отношение к этой теории, в связи с её многочисленными недостатками. Однако в настоящее время, снова появился научный интерес к этому феномену, связанный с применением практик теории либертарного муниципализма в Демократической Федерации Северной Сирии. Современные исследователи А. Флах, Дж. Биель, наблюдая на практике создание либертарного общества, переосмысливают теорию либертарного муниципализма. В отечественной науке теория М. Букчина освещена очень мало и фрагментарно. Только сейчас по мере событий, происходящих в Западном Курдистане, начинают появляться исследования на эту тему.

1 ИСТОРИЯ АНАРХИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

1.1 Протоанархизм

Анархизм – общественно-политическое течение, согласно которому общество может и должно быть организовано без участия государства как органа принуждения [29]. Исторические корни анархизма восходят ещё к древним временам, когда только начала формироваться государственность. Как считает исследователь Ударцев: «Ранние идеи анархизма связаны с идеализацией родоплеменного строя, с возникающим напряжением по отношению к формирующемуся государству, его эксплуатации, и угнетению» [36, с. 15]. В этот период формируется не только этактическое политическое сознание, но и противоположное ему, которое можно лишь условно назвать анархистским. Второй тип политического сознания отрицает необходимость государственно-иерархической структуры общества, регулирования государством общественной жизни. Философские учения этого периода, которые выступали против института государства, называются «протоанархизмом». Этим термином подчеркивается не системность и непоследовательность представлений и принципов. Протоанархизм – это скорее совокупность отдельных элементов, которые в будущем были систематизированы в самостоятельное анархическое течение. Этот период продлился вплоть до XVIII века, когда зародилась полноценная теория анархизма.

Первое выдающееся учение на Востоке, которое можно отнести к протоанархизму – это учение китайского философа Чжуан-Цзы (369–286 гг. до н.э). Он принадлежал к школе даосов и выдвигал идею противоположную конфуцианской. Чжуан-цзы считал общество и государство – злом. Они зло, потому что сковывают человека «сетями ложных обязательств» [23, с. 51]. Государство навязывает человеку долг и пустые условности. Оно препятствует естественному развитию человека, превращает людей в покорные игрушки чужой воли. Для Чжуан-цзы ценна личность человека. Её развитие и

самосовершенствование – истинная цель жизни. Государство же через свои законы и приказы препятствует развитию личности, поэтому оно вредно и опасно. Возращение к естественной элементарности существования может стать альтернативой жизни в государстве. Несмотря, на всю критику государства Чжуан-цзы и даосы не призывали к его ликвидации. Философ допускает существование государства, но такого, которое практически никак не ощущается. Государство, основанное на главном принципе дао – недеянии. Таким образом, учение Чжуан-цзы относится к протоанархистским, так как он последовательно критиковал государство, доказывал его порочность. Однако на Востоке анархизм так и не сложился в самостоятельное направление из-за особенностей деспотичной государственности и азиатского способа производства.

Протоанархизм на Западе имел более длинную историю, чем на Востоке. В античной философии наравне с этатизмом существовало прямо противоположное идейное учение – кинизм. Видными философами этого учения были Антисфен, Диоген, Кратет, Керкид, Дион. Киники отрицали государство с его институтами, правителями, законами. Как и Чжуан-цзы они противопоставляли государственное устройство природе, которая являлась колыбелью человечества. Государство разрушило природное равенство людей, законы поработили человека. Киники отрицали законы, справедливо считая их опорой государства. Диоген говорил о том, « что законы, по его мнению, бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше» [23, с. 48]. Государственным законам киники противопоставляли законы добродетели. Для них «совместная жизнь братьев единомышленников» [23, с. 47] на основе законов добродетели была более справедлива и разумна, чем жизнь в рамках государственного устройства. Их идеи совместной жизни на законах добродетели или морали в будущем использовали такие философы анархизма, как Годвин и Толстой. В целом же учение киников было нигилистическим, они полностью отрицали не только государство, но и всю социальную культуру, которая, по их мнению, враждебна

человеку [15]. Взамен государству они не предлагали никакого политическое устройство, вообще политической было чуждо их пониманию. Отголоски этих идей позже можно найти у Штирнера, с его обществом индивидуалистов.

Ещё один философ, чьи идеи также можно отнести к протоанархизму был Антифонт Афинский, живший в V веке до н.э. Советский историк С. Я. Лурье в своей книге «Антифонт – творец древнейшей анархической системы» пишет, что Антифонт предлагал эмансипироваться от государства и осуществить автономный жизненный идеал [22]. Греческий философ, как и Чжуан-цзы разграничивал естественный закон и государственный: навязанный. Естественный закон – это справедливый закон, который ведет к свободе человека, тогда как искусственный вынуждает подчиняться несправедливой власти. Свобода по Антифону – это в первую очередь личная свобода. Он, как и другие философы, не предлагал свергать государство. Взамен он предлагал использовать институты государства для своей выгоды.

В дальнейшем идеи анархизма развивались в рамках религиозной традиции. Так, например, в «откровении Ионна Богослова» развенчивается земная власть, как воплощение беззакония и греха. В положении суфиев мы находим схожие идеи с киниками и даосами. Суфии отрицают земные ценности и блага. Они говорят о том, что с богом можно общаться без посредников. Так как один из основных принципов Ислама слияние светского и духовного, то идеи суфизма можно расценивать, как антигосударственные. Еще одним религиозным деятелем, который выступал на антигосударственных позициях, был основатель манихейства Мани (216–277 гг.). Мани развивал главную идею зороастризма о дуалистичности всего сущего. Разделения мира на царство света и тьмы. Человек также существо двойственное, следовательно, он стремится к изгнанию зла из себя. Злом, по мнению Мани, были все земные блага: собственность, семья, государство. Последователи манихейства отрицали все экономические, социальные и государственные институты, как воплощение вечного зла. Они верили, что однажды на Земле будет создано царство света, в котором «каждый

движется как хочет и живет по своей вольной воле» [23, с. 57]. Личность не подавляется никакими законами и государственными институтами.

В русской религиозной традиции также возникали споры между государственниками и противниками государства. Например, в «новом учении» Феодосия Косого автор протестует против церкви и светской власти. Эти институты посредством осуществления насилия отнимают у людей свободу, эксплуатируют их. Феодосий Косой видел идеальное устройство человеческого общежития в общине, где собрания верующих спланивались бы на основе единомыслия, общности имущества, заботой друг о друге и любви к Христу. В подобном христианском обществе земные власти бы устранялись [23, с. 59]. А общество бы управлялось общиной, лишенной политической структуры. Подобные идеи, но намного позже высказывал в своих сочинениях Л.Н. Толстой.

Одной из важнейших вех в развитии анархизма в период протоанархизма было движение диггеров в Англии в середине XVII века. Диггеры или истинные левеллеры было движение крестьян, выступавших за отмену частной собственности на землю и возвращение земельной собственности в крестьянскую общину. Взамен они предлагали общую собственность на землю и природные ресурсы, а мануфактуры управлялись бы рабочими кооперативами [5]. Диггеры активно вступали в армию и поддерживали Кромвеля, воевавшего против короля. Они выступали за свободу вероисповедания, за отмену церковной десятины. Эти идеи во много совпадали с идеями знаменитого утопического социалиста Т. Мора и его «городом солнца» за исключением того, что они выражали не теоретические взгляды одного просветителя. За этими идеями стояли реальные люди, с реальными целями и задачами, в реальной исторической обстановке. Одни из таких людей был Джерард Уинстэнли, написавший пафлеты под названием «Новый закон праведности» и «Закон Свободы». Уинстэнли в своих работах обосновывает идею, что изначально все люди были равны, а земля была общим достоянием всех. Следовательно, лэндлорды владеют землей вопреки естественным законам. Земля должна принадлежать общине, каждый должен

иметь возможность возделывать землю и получать с неё пищу. В своих работах Уинстэнли описывал механизм организации подобных общин. Все продукты земледелия свозятся в приходские хранилища, которые затем распределяются среди населения. В городе существуют общественный магазины, где каждый может получить то, что ему необходимо. В отличие от Т. Мора Уинстэнли писал не о полной отмене частной собственности, а только на средства производства. Каждая семья по-прежнему могла иметь дом, предметы быта в своей собственности. Философ также критиковал английского короля и его законы, которые поработают человека, отбирают у него средства к существованию [46]. Управление в новом обществе переходило бы к собранию общин. Правда, нужно отметить, что в своей последней работе Уинстэнли отказался от негосударственного устройства, и стал сторонником парламентаризма. Однако и в поздних работах чувствуется его ориентация на социальное устройство, государство здесь выступает скорее охранителем этого устройства. Эксперименту диггеров не суждено было просуществовать долго, вскоре после падения короля они были разгромлены Кромвелем и земля снова перешла в частную собственность. Несмотря на это, идеи Уинстэнли и других истинных левеллеров послужили вдохновляющим примером не только для теорий Уильяма Морриса и Петра Кропоткина, но и для современного кооперативного и коллективного движения, в том числе для либертарного муниципализма М. Букчина.

Таким образом, мы видим, что классической теории анархизма, заложенной в XVIII–XIX веках, предшествовал огромный пласт идей, берущих свое начало с древнейших времен. С самого начала создания государства, люди не были едины во взглядах на него. Политическое сознание развивалось в двух противоположных направлениях: этатизма и анархизма. Сторонники анархизма уже тогда сходились во мнениях, что государство противоречит естественному развитию человечества, оно подавляет личность, мешает её развитию, порождает неравенство и несправедливость. Не смотря на то, что идеологи и философы того времени не призывали к свержению государства, они настраивали своих

последователей на пассивную борьбу с ним, на использование недостатков его институтов. Их идеи ещё не последовательные и обрывочные в будущем дадут толчок развитию классической теории анархизма.

1.2 Классический период

Появление анархической теории было тесно связано с развитием государства. Начиная с XVII века, государство абсолютизируется и становится всё более централизованным. Государство контролирует всё больше сфер жизни, развивается бюрократический аппарат, система законов [14]. В это же время появляется и развивается капиталистическая система, а вместе с ней появляется классовая система. Растет неравенство между разными классами, а вместе с неравенством растут противоречия. Как раз в этот период и появляются анархические учения, которые пытались противостоять сформировавшейся государственной системе.

1.2.1 Уильям Годвин

Уильям Годвин (1756–1836) – английский политический философ, один из основателей либеральной политической философии и анархизма. Годвин напечатал множество сочинений в области истории, политической экономики и философии. Учение о государстве, праве и собственности он изложил в двухтомном труде: «Исследование о политической справедливости и её влиянии на всеобщую добродетель и счастье». Годвин не называл своё учение анархизмом, но оно без сомнений им являлось.

Годвин писал, что наивысшим законом является всеобщее благо. К всеобщему благу относится всё, что способствует развитию человеческих добродетелей. Добродетель – это стремление людей способствовать благу всех земных существ [39, с. 47]. Исходя из этих предпосылок, английский философ отрицал право. Право – это зло, которое заставляет человека повиноваться внешним обстоятельствам. Это повиновение лишает человека руководствоваться собственным разумом и его духовными силами, то есть мешает стремиться к

всеобщему благу. Именно всеобщее благо и справедливость станут законами для людей в будущем. В этом будущем все решения будут приниматься исходя из разума, и стремления к всеобщему счастью. Человек бы осознал свою свободу от повиновения государству, и почувствовал бы свою ответственность за будущее общества. Тогда бы наступило «светлое царство справедливости» [39, с. 49].

Так как Годвин отрицает право, он неизбежно отрицает и государство, которое порождает право. По мнению философа, каждое правительство – это тирания. Неважно деспотическое это правительство или республиканское. В первом случае насилие идет со стороны монарха, деспота. Во втором случае насилие следует за общественным мнением. В любом случае всякое государство лишает нас собственных суждений, собственной совести. Изначально люди объединялись для поддержки друг друга, образуя общество. Позже «вследствие заблуждений и низости меньшинства» [39, с. 51] появилось насилие, и было создано государство. Таким образом «Общество родилось в силу наших потребностей, государство же благодаря нашим недостаткам» [39, с. 51.]. Как же будет организовано общество без государства?

В будущем людей будет связывать «взаимное сознание общего благополучия» [39, с.51]. Каждый человек должен будет жертвовать своими интересами во имя общих целей. Общества, будут малочисленны, и практически не будут взаимодействовать друг с другом. Годвин исходил из того, что в маленьких общинах честолюбие не так страшно, и та самая «низость меньшинства» не будет так пагубно влиять на общество. Взаимодействие же этих обществ друг с другом, исключает риск войн между народами. Чтобы полностью избежать войны между обществами, Годвин предлагал создать национальное собрание, которое собиралось бы в случае конфликтов (как внешних, так и внутренних). Так как риска войны практически нет, то государство теряет одно из своих главных значений: защита против внешних нападений. Что же касается защиты внутренней справедливости, то здесь справится и присяжный суд. Присяжный суд будет решать внутренние споры между гражданами на основании

разума. Сначала это был бы суд, состоящий из мудрейших людей. Затем, по мере того, как насилие постепенно исчезло, это мог бы быть один человек, который не столько назначал наказания, сколько давал советы.

Отрицание государства и права ведет за собой и отрицания собственности. Существующая система собственности – это правовое учреждение, которое подрывает благо общества. Распределение богатств идет самым случайным образом. Одни граждане государства «с излишком обладают тем, в чем нуждается другой» [39, с. 58]. Собственность служит источником преступлений. Новая организация общежития требует более справедливого распределения богатства. Каждый человек должен быть обеспечен пищей, одеждой и жилищем. В таких условиях труд был бы легким бременем для каждого и служил бы для общего блага. Бедняк бы не тратил всю свою духовную силу на заработок денег на пропитание. Богатый бы не страшился потерять своё богатство, и смог бы работать для всего общества.

Переход к безгосударственному обществу, по мнению, Годвина должен произойти естественным путем. Когда каждый поймет, что общественное благо требует изменений, тогда состоится переход к новому строю. Для этой цели необходимо просвещать людей с помощью слова и разума. Философ отрицал всякую революцию, и подстрекательство народа, только силой убеждения можно заставить людей к изменению. В таком случае все слои общества захотят изменений, и это позволит избежать конфликтов.

Уильям Годвин создал первую теорию анархизма, которая последовательно объясняет целесообразность отказа от государства и перехода к безгосударственному обществу. Вместе с государством мыслитель отрицает институт права и собственности, так как они препятствуют установлению общей справедливости. Годвин в своем труде отлично подмечает недостатки существующей системы, раскрывает несправедливость общества. Попытка же выйти за рамки этой системы, переосмыслить государственное устройство выглядит не столь удачной. Его учение отличается социальным оптимизмом и вера в

стремление каждого человека к общему благу. Годвин упускает то, что личные потребности человека, могут превалировать над социальными. Для него человек – это альтруист. Всё зло в нем лишь следствие неидеального устройства общества. Таким образом, учение Годвина обозначило будущие контуры социологически-коммунистического направления анархистской мысли.

1.2.2 Макс Штирнер

Макс Штирнер (настоящее имя Иоганн Каспар Шмидт) – немецкий философ, живший в первой половине XIX века. Он написал небольшое число сочинений по большей части философского содержания. Главный его труд: «Единственный и его собственность» (1845), в котором он изложил свои взгляды на государство, собственность и право. Как и Годвин Штирнер не называл своё учение анархизмом, но его безусловное отрицание государства делает его учение анархистским.

Согласно немецкому философу для каждого из нас высший закон – это наше собственное благо [38]. Личность – вот истинная ценность в мире. Всё же то, что подавляет личность, вредно и подлежит уничтожению. Человек должен освободить от гнета традиций, морали, государства и права, только тогда он, наконец, сможет «жить», а не существовать. С этих позиций Штирнер отрицает всякое право. «Право – призрачное построение» [38, с. 123]. Каждый имеет право на то, что может осилить. Человек не должен подчиняться воле народа, воле общества или воле государства, всё, что вне его – не существенно. Соответственно в будущем вместо права личное благо будет законом для всех людей.

Без права не может существовать и государство. Государство - главный враг личности. Неважно деспотическое это государство или республиканское. Оно говорит, что выступает за общее благо, но общее благо это не моё благо. «Государство может блистать, в то время как я терплю голод» [38, с.45]. Свое насилие правительство называет правом, тогда как насилие личности – это

преступление. Для будущего индивидуума, человечество государство должно быть разрушено.

Личное благо каждого требует, чтобы государство было заменено общественным сожительством людей на основе их предписаний. Это общественное сожительство Штирнер назвал «ферейна эгоистов» [39, с. 104]. «Ферейна эгоистов» представляет собой общество свободных ассоциаций и союзов. Человек сам будет волен выбирать себе союз, входить и выходить из него. Союз будет средством для личности, а не наоборот. С этих позиций Штирнер критикует коммунистические союзы, в которых общество эксплуатирует людей, заставляет их работать вопреки их воле. «Общество пользуется тобой, союзом пользуешься ты» [39, с. 441]. В этом проявляется отличительная особенность штирнерского устройства общества. Свободные ассоциации, действительно, должны быть свободным. Человек должен был иметь возможность выйти из них в любое время, не смотря даже на договор, который он мог бы заключить с этим союзом. Свобода личности была, прежде всего. Как же тогда избежать распада подобной организации? Следует понимать, что для Штирнера единичное «Я» разумно, и оно понимает, что объединение людей плодотворно [12]. Союзы служат для человека средством достижения цели, и каждый человек понимает это, и не стремится к разрушению конструкции.

Вместе с правом Штирнер отрицает и правовое учреждение – собственность. Собственность лишь фикция, идея, которая поддерживается государством и правом [38]. Она не способствует личному благу людей, ей пользуются лишь немногие привилегированные. Следовательно, люди должны объединиться в союз, чтобы забрать собственность у её нынешних обладателей. Сделать её своей, общей. Каждый возьмет столько «сколько в состоянии взять себе» [38, с. 321]. Собственность будет поделена между разумными эгоистами, и таким образом станет более доходной и полезной для каждого. Процесс деления собственности, возможные конфликты в этом процессе – всё это не было детализировано в сочинениях Штирнера. Философ полагал, что это решится само собой в споре

людей между собой. В конце концов, человек либо смирится с новым распределением, либо снова будет создан союз для перераспределения собственности.

Осуществить подобные изменения люди должны будут с помощью силы, уничтожив право, собственность и государство. Однако, для начала люди должны измениться сами, совершить внутренний переворот. Штирнер отрицал революцию, потому что революция имеет цель создать новые учреждения на месте старых, а не уничтожить их. Бунт же ведет к уничтожению старых порядков. Каждый человек, осознавший порочность нынешнего состояния общества, должен перестать поддерживать существующую организацию. «Государство может быть побеждено только дерзким произволом» [38, с. 325]. Нужно строить новый порядок здесь и сейчас, не обращая внимания на действующее право.

Макс Штирнер заложил основы индивидуального анархизма. Он реабилитировал личность в эпоху господствующего гегельянского антииндивидуализма. Его опасения по поводу усиления правительства, превращение государства в новое божество стали пророческими. Штирнер справедливо указывал на недостатки коммунистической модели общества, которая может выродиться в тоталитарное государство. В тоже время модель, предложенная Штирнером, также подвергалась критики, за излишний индивидуализм. Штирнеровский синтез личности и общества так и остался незавершенным [12]. Ему так и не удалось создать модели общественного устройства, где индивидуалистическое и коллективное, общественное и антиобщественное сливается воедино.

1.2.3 Пьер-Жозеф Прудон

Пьер Жозеф Прудон (1809–1865) – французский политик, публицист, философ, анархист. Первый человек, назвавший себя анархистом. Свое учение о праве, государстве и собственности выразил во множестве работ, из которых наиболее известны: «Что такое собственность» (1840), «Система экономических

противоречий, или Философия нищеты» (1846), «О политической способности рабочих классов» (1865).

Прудон считал справедливость высшим законом для человека. «Справедливость – это непосредственно ощущаемое и взаимно охраняемое уважение к человеческому достоинству, где бы и у кого бы оно ни подвергалось опасности, и чего бы нем ни стоила его защиты» [32, с. 103]. Человека нужно уважать не за его достоинства, заслуги, а просто, потому что он человек. Справедливость – это закон, который понимает каждый человек независимо от того в каком положении он находится, в каком государстве живет. Главный принцип этого закона: «Делай ближнему своему то, чего желаешь себе, и не делай другому того, чего не желаешь себе» [31, с. 18].

Во имя справедливости Прудон отрицает почти все правовые нормы, государственные законы. Государственные законы, по мнению философа, всегда отражают чьи-то общественные интересы. Таких интересов в обществе бесчисленное множество, именно поэтому парламент должен работать круглые сутки, чтобы писать эти законы. Если бы все соблюдали законы, то общественная жизнь была бы парализована. «Законы – это паутинные ткани для сильных и правящих, неразрывные цепи для бедных и низших» [32, с. 149]. Государственному закону Прудон противопоставляет свободный договор. В обществе должна быть только одна правовая норма – договоры должны быть исполняемы. Это правовая норма позволит установить компромисс между индивидуальной свободой и общественным благом. Человек волен брать или не брать на себя обязательства, заключать или не заключать договор. Присягая договору, ты принадлежишь обществу свободных людей, которые готовы оказывать тебе помощь и поддержку, в обмен на твою помощь и поддержку. В отличие от общественного договора Ж.Ж. Руссо, который означал полный отказ от свободы в пользу всемогущего Суверена, у Прудона договор согласует интересы граждан, сохраняя их суверенитет [33, с. 23].

Так как Прудон отрицает государственные законы, вместе с ними он отрицает и государство. «Управление посредством людей есть рабство» [39, с. 75]. Любая государственная власть, в том числе и демократическая, не закона и тиранична по своей природе. Партии, также как и монарх стремятся к достижению власти, и сохранению её. Прудон также подвергал критике социалистический строй с его тотальной регламентацией. Как и государственная власть, такое устройство зиждется на авторитете и насилии. Личность при таком устройстве подчинена обществу [39, с. 22]. Государственной власти Прудон противопоставлял федерализм, свободный договор и самоуправление [33]. В новом обществе людей будет связывать сила договора. Группы граждан, общин, округов могли бы заключать между собой соглашения, из которых бы выводились законы. Эти законы были бы результатов свободного творчества. Прудон предлагает изменить такие институты, как церковь и суды. Нужно ввести общее избирательное право в судопроизводстве, отменить правило о несменяемости судей. В таком случае судебная система будет контролироваться гражданами, а не властными институтами. Прудоновская централизация – это централизация снизу, когда на каждом последующем уровне объем полномочий «делегатов» убывает.

Собственность существует в обществе согласно особым правовым отношениям, поэтому она тоже отрицается. Справедливость уничтожает собственность. Следует понимать, что под собственностью Прудон понимает лишь злоупотребление её во имя блага одного или группы людей. Невозможно отказаться полностью от собственности. Это часть жизни человека. Поэтому Прудон признавал право на личное владение вещами. Философ стремился к сочетанию коммуны и собственности. Так фабрики должны были принадлежать всем работающим на них людям. Они должны управляться объединениями рабочих, которые трудятся на благо компании, а значит ради себя [12]. Распределение товаров в новом обществе существовало бы на основе обмена товарами. Меновая стоимость любого товара, измеряется количеством затраченного труда. Прудон не настаивал на едином механизме подобного

обмена. Он предполагал, что каждая община, ассоциация сама установит правила, которые примут члены этого союза.

Как и Годвин Прудон писал, что переход к новому обществу случится тогда, когда большинство людей примут новые идеи, когда идея о новом обществе распространится во всех слоях населения. Самое лучшее средство для убеждения людей – это пример нового общественного устройства. Для этого Прудон основал Народный банк. Банк был собственностью всех, кто пользовался бы его услугами. Люди могли вносить в него деньги, для начального капитала. Могли они и получить беспроцентный кредит для своих нужд. В банке бы производился обмен товарами между людьми. Прудон верил в мирную революцию. После того, как люди поймут эффективность и справедливость нового устройства общегития, старые порядки падут самими собой вследствие своей неэффективности [39 с. 92].

Пьер Жозеф Прудон развил и популяризировал анархическое мировоззрение. Его идеи кооперации, взаимности и федерализма, оказали огромное влияние на учения не только Бакунина и Кропоткина, но и на теорию анархизма в постклассический период. Прудоновские идеи сочетают в себе сотрудничество между людьми и их индивидуальность. Он стремился создать гармоническое общество, где сочетались бы общественное благо Годвина и индивидуальное благо Штирнера.

1.2.4 Михаил Бакунин

Михаил Александрович Бакунин (1814–1876) – русский мыслитель, революционер, один из главнейших теоретиков анархизма. Учение Бакунина о праве государстве и собственности изложено им во множестве трудах. Главные из этих трудов: «Реакция в Германии» (1842), «Кнуто-Германская империя и социальная революция» (1871), «Государственность и анархия», «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867).

Бакунин считал, что главные человеческий закон – это закон развития человеческого прогресса от менее совершенного бытия к более совершенному [39]. Наука учит человека, что всякое развитие есть отрицание

своей исходной точки. Все организмы стремятся к усовершенствованию от самого простого к сложному. Человечество движется вверх от животного рабства, через религиозное рабство навстречу свободе, навстречу к Человеку.

С прогрессом человечества, по мнению Бакунина, должно уничтожиться законом установленное право. Любое законодательство независимо от того создано ли оно по воле одного властелина или по воле народных предстателей не соответствует законам природы. Главная цель любого установленного права порабощение общества. При дальнейшем прогрессе человечество государственные законы будут отменены, вместо установленного права останется только право вообще. Такое право будет опираться на волю всех [3], и в случае необходимости будет принудительным. Для начала нужно установить «право на самостоятельность» [3, с. 352], по которой человек имеет право действовать по своему усмотрению. Также каждый союз, община имеют право на полную самостоятельность. Также правовой норм будет считаться, что договоры должны быть соблюдены. В отличие от Прудона Бакунин отмечал, что обязательства по этим договорам может иметь свои границы, которые определяются человеческой справедливостью.

С прогрессом человечества, по мнению русского философа, уничтожится и государство, потому что оно относится к низшей ступени развития [4, с. 18]. Государство – это продукт религии, а религия вводит человека в заблуждение, заставляет искать его ложные цели существования, «искать божественное вместо человеческого» [4, с. 138]. Государство не может существовать без религии. Оно отрицает свободу человека, нарушает нашу волю. Правительство эксплуатирует людей, развязывает войны, так же пагубно оно влияет на самих правящих, отравляет их дух. Истинная цель человечества двигаться дальше, перейти на следующую ступень развития – безгосударственную. Первая стадия безгосударственного развития – это общественное сожительство людей, основанное на правовой норме, состоящей в том, что договоры должны быть выполняемы [39]. Бакунин считал, что свобода это не индивидуальный феномен.

Чтобы быть свободным, другие люди должны считать тебя свободным, и относиться к тебе соответствующим образом. Свободное общество может быть, таким образом, установлено только договором, по которому каждый человек этого общества будет свободен для других людей. В новом обществе люди будут объединяться в широкие союзы, основанные на естественных потребностях человека. Общины будут соединяться в провинции, провинции в народы и т.д. Каждая община будет самостоятельна, если только её устройство не угрожает другим общинам. Каждая область имеет право на свободное соединение и разделение, это залог их свободы и самостоятельности.

С переходом к новому обществу, исчезнет и частная собственность, так как она относится к низшей ступени развития государства. Привилегированные меньшинства, которые управляют государством, владеют всеми его богатствами. На долю же большинства населения остается лишь безнадежная бедность, которое превращает их в невежд. Частная собственность служит орудием для эксплуатации людей, поэтому она должна умереть вместе с государством. Справедливость требует, чтобы капитал служил на пользу трудящихся, а не только на пользу собственников. Для этого средства производства должны быть переданы рабочим и составить коллективную собственность. Бакунин стремился к организации и общественной собственности снизу вверх, посредством свободного соединения. С этих позиций он критиков Маркса и коммунистов, которые настаивали на главенствующей роли верхов, революционной элиты в преобразовании общества.

Единственным способом преобразовать общество Бакунин видел в социальной революции [3]. Так как власть покоится не на людях, а на институтах, на созданных условиях, то революция должна быть направлена против условий и вещей, а не против людей. Бакунин также исходил из положения, что революция должна быть интернациональной, она должна полностью разрушить государство и все государственные институты, иначе она не будет плодотворной. После учреждения государства следует создавать союзы и общины в каждой провинции,

а всю собственность передать на средства производства передать во власть коммун. Революция, по мнению философа, не может быть совершена никем кроме самих масс. Для организации же этой революции, для распространения революционных идей среди народов и нужны тайные общества. После революции им же следует прекратить свою деятельность, а не становится революционным правительством, как утверждали последователи Маркса.

Михаил Бакунин заложил основы анархизма, как цельного мировоззрения [33, с.24]. Он развил идеи Прудона, популяризовал их в рабочем движении. В тоже время он слишком идеализировал рабочее движение и его способность к революции, не учитывал он также национального фактора. Бакунин предвидел опасность «диктатуры пролетариата», которая в итоге вылилась в тотальное огосударствление общественной жизни и производства. Также был первым, кто подошел к проблеме государства с позиции прогресса и естественности отмирания институтов государства. Бакунинская практическая деятельность послужила ориентиром для формирования повстанческого анархизма.

1.2.5 Петр Кропоткин

Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) – русский историк, философ и публицист, один из выдающих теоретиков анархизма, создатель идеологии анархо-коммунизма. За свою жизнь Кропоткин опубликовал больше двух тысяч работ, посвященных теории анархизма. Главные из них: «Хлеб и воля» (1892), «Современная наука и анархия» (1892), «Государство и его роль в истории» (1896), «Анархия, её философия, её идеал» (1896), «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1902).

Кропоткин, как и Бакунин, главным законом развития человечества видел прогресс. Прогресс от менее счастливой жизни к более счастливой. Кропоткин был позитивистом, поэтому он исходил из того, что для понимания общества, есть «только один научный метод, метод естествознания» [39, с. 141]. Этот метод позволили выявить, что в мире природы действуют законы эволюции, значит и в мире людей действуют те же самые законы. Благодаря этим законам организмы

приспосабливаются к внешней среде, становясь всё совершеннее. Происходит это, по мнению Кропоткина, не только из-за борьбы за существования между видами, но и благодаря взаимопомощи внутри видов [17, с. 55]. Именно взаимопомощь, по мнению философа, является главным фактором эволюции. Следовательно, выживает вид, который способен организовать свою жизнь на солидарных началах [33, с 37]. Именно к такому состоянию должно стремиться человечество для «достижения наибольшего счастья человечества» [47, с. 23].

С прогрессом человечества должно исчезнуть законом установленное право. Закон смешивает те обычаи, которые полезны обществу, и те, которые полезны только господствующему меньшинству. Первые будут уважаемы и без закона, вторые же вредны для общества. Привилегированное меньшинство всегда будет стремиться закрепить свое господствующее положение при помощи вторых законов. Кропоткин делит эти законы на три класса: законы для защиты собственности, законы для защиты правительства и законы для защиты личности [39, с. 143]. Законы о собственности существуют для того, чтобы защитить меньшинство в использовании того, что они похитили у производителя. Законы для защиты правительства нужны для сохранения привилегий господствующих классов при помощи насилия. Законы же, которые защищают личность и препятствуют преступлениям против неё, бесполезны, так как «страх наказания не удержал ещё ни одного убийцу» [17, с. 231]. Тюрьмы же, по мнению Кропоткина, плодят ещё больше преступлений.

На ближайшей ступени развития законное право должно быть отменено, будет существовать только право вообще. Кропоткин пишет о том, что будет достаточно право вообще или «обычного права». Для его выполнения достаточно будет потребности каждого человека в содействии. В случаи необходимости для исполнения норм будет использовано вмешательство массы. Главная правовая норма в новом общества будет та, по которой все договоры должны быть исполняемы.

Когда-то общество уже существовало, опираясь только на традиции и обычаи (обычное право). Затем же оно стало распадаться на два враждебных класса: господствующий класс, и класс лишенной власти. Победитель закрепил за собой привилегии, и так образовалось государство [17, с. 229]. С прогрессом человечества, государство должно исчезнуть. Кропоткин задается вопросом: «Чему служит эта огромная машина, которую мы именуем государством?» [47, с. 14]. Государство вмешивается во все наши дела, требует постоянной финансовой поддержки, всё для того, чтобы защитить нас от других государств, от войн. Однако именно государство служит источником этих самых войн. Государство должно защищать всех, но в итоге становится защитником лишь эксплуататоров против эксплуатируемых.

Кропоткин не видит разницы между деспотическим и демократическим государством. Оба лишь служат привилегированному меньшинству. Гражданские права, которые охраняет новое буржуазно-демократическое государство, служат лишь господствующим классам. Всеобщее избирательное право нужно, что решать споры внутри господствующей элиты без применения насилия. Тайна писем, неприкосновенность жилища – всем этим можно пожертвовать ради защиты отечества. Всё это терпимо лишь, пока народ не пользуется этим против господствующих классов [39].

Кропоткин предвещает переход от буржуазно-бюрократического общества к вольному анархическому коммунизму [33, с. 38]. Народные массы создадут новое общество, основанное на горизонтальных связях и взаимопомощи. Кропоткин видел ростки анархизма и коммунизма в современном ему обществе: ассоциации, муниципальные учреждения, страховые союзы, артели. Основой нового общества станет правовая норма о том, что договоры должны быть исполняемы. На первое место в этом обществе философ ставил личность и федеративный союз общин. Общины не будут ограничены пространством или идеологией. Различные группы общим будут связаны интересами с другими подобными группами в других общинах. Это создаст прочные связи между людьми и общинами для будущей

федерации общин. Общины, как и члены отдельных общин, соединятся между собой с помощью договоров. Общины соединятся на добровольной основе в союзы. Основой этих союзов будет экономическая выгода, так как невозможно производить все необходимые товары в рамках одной общины. В конце концов, по мысли Кропоткина, весь мир бы стал одной большой сетью общин, это бы образовало новое единство, отличное от государства.

Одним из препятствий на пути прогресса человечества, согласно учению Кропоткина, является частная собственность. Частная собственность порождает неравенство в обществе: большинство людей бедствуют, тогда, как меньшинство, развращены богатством. На ближайшей ступени развития частная собственность должна превратиться в общественную собственность. Кропоткин в отличие Прудона писал о полной отмене частной собственности, как на средства производства, так и на средства потребления [17, с. 121]. Любая частная собственность создает неравенство и эксплуатацию. В новом обществе, почти каждый человек будет задействован в производстве. Между общиной и человеком заключает договор труд в обмен на пользование общими благами. Пяти часов в день будет достаточно, остальное время человек мог бы использовать для развития личности. Кропоткин вместо разделения труда предлагал объединение. Это на его взгляд научит людей ценить работу других, сделает любую работу более приятной. Каждый будет трудиться, как физически, так и умственно, на фабрике и в поле. Распределение продуктов производства будет происходить по потребностям. Каждый человек, участвующий в производстве имеет право «на приятную жизнь». Кропоткин верил, что современные его эпохи средства производства позволят создать общество благоденствия, в котором каждому хватило бы для удовлетворения его потребностей.

Переворот от менее счастливой жизни к более произойдет, по мнению Кропоткина, с помощью социальной революции. Социальная революция является частью эволюции общественной жизни [33]. Такая революция может длиться от нескольких дней до нескольких лет. Её итогом станет преобразование

общественных и материальных отношений во всем мире. Чтобы революция была успешной, необходимо не только разрушить старое, но и создать новое. Главная ошибка прошлых революций, отмечает Кропоткин, в том, что они ориентировались на прошлое, а не создавали будущее [33]. Плодами революций всегда пользовались другие, а не угнетенный народ. Поэтому Кропоткин не признавал революционного правительства, которое узурпирует всю власть. Революция должна привести к самоорганизации общества, разрушению государства, созданию местного и производственного самоуправления. Для того чтобы это осуществилось, необходимо подготовить народ к революции. Именно этим и должна заняться «анархическая партия», и тайные общества. Средством для этого будет пропаганда, которая примет любую форму: разжигание ненависти к эксплуататорам, осмеяние правительства, растолкование справедливости нового устройства и т.д. Революция должна стать общеизвестной, именно тогда она станет успешной.

Петр Алексеевич Кропоткин провел грандиозную попытку обосновать анархизм с научно-позитивистской точки зрения. Он обосновал неизбежность и естественность прогресса человечества на основе взаимопомощи и солидарности. Учение Кропоткина широко распространилось в конце XIX века. Многих революционеров подкупало его научная обоснованность, и конкретная программа действий. Теория анархо-коммунизма имела свои недостатки. Кропоткин, как и Бакунин до него, дают нам формулу прогресса, но не дают представления о механике исторического процесса. Также в учении Кропоткина смешивается естественно научный натурализм, и этические ценности, которые присущи только человеку, но никак не природному миру с его аморализмом. Значит доказать справедливость и естественность нового общества с естественно научной точки зрения невозможно. Авторитет Кропоткина, в какой-то мере привел к регрессии теории анархизма, так как слабые моменты этой теории не критиковались и не пересматривались. Но всё же Петр Алексеевич определил черты анархо-

коммунизма на долгие годы. Его теорией пользовались при построении своих институтов Нестор Махно и анархисты Испании во времена гражданской войны.

1.2.6 Бенджамин Такер

Бенджамин Рикетсон Такер (1854–1939) – американский журналист, экономист и крупнейший идеолог индивидуального анархизма в США. Учение Такера о праве, государстве и собственности изложено во многих статьях, которые позже вышли в одном сборнике под названием: «Вместо книги: Написано человеком, слишком занятым, чтобы писать книгу» (1893).

Такер считал, что высшим законом для человека должна быть личная выгода для каждого. Выгода общества заключается в выгоде каждого отдельного человека [39]. Из этого закона Такер выводит «закон одинаковой для всех свободы» [35, с. 35]. Свобода – это главное условие человеческого счастья, а одинаковая свобода для всех – это главное условие жизни общества. Этот закон устанавливает, что каждый обязан уважать область деятельности другого и не вмешиваться в неё. Граница этой свободы, строго не определена. Такер полагал, что при помощи опыта люди будут способны более точно провести эту границу.

Такер признавал, что для одинаковой свободы для всех необходимы правовые нормы, основанные на общей воле [35, с. 25]. За их неисполнение грозила тюрьма, пытки и даже смертная казнь. Правовые нормы должны быть достаточно гибкими, чтобы приспособляться под новые обстоятельства. Такер выделял несколько основных правовых норм, которые должно господствовать в обществе. Первая, та, которая защищала бы личность от оскорбления. Вторая гласит, что «собственность основывается на труде» [35, с. 131]. Анархическая собственность по этой норме распространяется только на производство, всё остальное может относиться к личной собственности человека. Третья норма гласит, что договоры должны быть исполняемы, если они не наносят вред третьему лицу. Такер подчеркивал, что для исполнения договоров может быть применена сила. В то же время, если этот договор противоречит другим нормам права, то человек может отказаться от его исполнения, призвав на свою сторону других членов общества.

Всё это создаёт сложную систему правовых взаимоотношений, в которых, в конечном счете, важнейшую роль приобретает воля и сила отдельного человека.

Так как важнейшим законом является личное благо каждого, Такер отрицает любое государство, ибо оно «есть олицетворение идеи нарушения права» [35 с. 27]. Всякое государство нарушает право, подчиняет граждан своей воле. Также оно присваивает себе все, что находится в её власти, будь то ресурсы или человеческие жизни. Демократический деспотизм, по мнению американского философа, не лучше деспотизма королей. Избирательное право нужно лишь для того, чтобы выбрать какая часть владеет властью, а какая должна повиноваться. Первое нарушение государством права – это налоги. Это делается для защиты граждан, но что если граждане не требуют защиты. Второе нарушение право – это ограничение граждан в производстве и торговле, в хозяйственной и личной жизни. Государство предоставляет людям защиту, но защита была бы покупаема, как и любая услуга, если бы государство не было монополистом. Объединившись люди, смогли обеспечить себя защитой сами без правительственных учреждений.

В новом обществе, по мнению Такера, место государства должен занять «свободный союз лиц, заключающих договор» [35, с. 158]. Формой общества должно стать свободное соединение всех желающих. Такое соединение не должно быть пожизненным. Это бы противоречило свободе. В свободных союзах, конечно, будут действовать нормы права, на основании, которых был заключен этот союз. Союзу может требовать участие своих членов в различного рода деятельности, например в суде присяжных [39]. В союзе, как в государстве будет взиматься налоги, согласно установленному договору. По задумке Такера, возможность в любой момент выйти из союза, сделает налогообложение более справедливым, так как союз будет иметь стремление согласовывать свою деятельность с желаниями народа.

Среди союзов особое место будут занимать общества здравоохранения, банки взаимного кредита и общество покровительства. Общества покровительства будут заниматься защитой личностей от преступлений против них. Такер полагала, что

в условиях конкуренции общества будут бороться за покупателя и предоставлять всё более качественные услуги. Охранительные общества способны будут применять силу, чтобы возместить причиненный ущерб личности. Такер, однако, в своей концепции не учитывал, что одно общество может выиграть конкуренцию у всех остальных. Тем самым оно станет монополистом в оказании услуг. Чем же тогда это общество будет отличаться от государства с его монополией на насилие.

Вместе с государством Такер отвергал и государственную собственность. Государственные монополии делают возможным ростовщичество. Из-за ростовщичества рабочий не получает доход от созданного им товара, он получает только необходимый продукт для жизни. Весь доход же получает ростовщик. Никто в современном для философа обществе не свободен от ростовщичества. Однако главную выгоду получают только крупные ростовщики. Государственные монополии охватывают все сферы производства и торговли, избавившись от них, рабочие смогут получать полную прибыль с производства.

Личное благо каждого человека, по мнению Такера, требует такого распределения собственности, при котором каждый получает доход от своего труда [39]. При такой форме собственности рабочие смогут иметь полный доход со своего труда. Что касается ресурсов, которые ограничены, например земля, то в таком случае анархизм защищает только такие требования, которые основывают на временно владении и пользовании. Однако такое пользование должно быть бесплатным и свободным. Следом за распределением собственности, должна быть установлена свобода торговли, которая уничтожила бы государственные монополии и цены на товары значительно бы снизились. С уничтожением всех форм монополий доход с труда обеспечивает каждому человеку, как его собственность. «Мы не говорим: ты не должен красть; мы говорим: если все люди будут свободны, ты не будешь красть» [39, с. 253]. Такер в отличие от анархо-коммунистов не пытался обеспечить экономическое равенство между всем людьми. Свобода даст человеку возможность иметь максимальный доход со своего труда, но не может дать одинаковый доход. Однако при новых условиях

распределения собственности это неравенство будет не значительным. «Раз я могу прожить свою жизнь свободным и богатым, я не стану печалиться о том, что мой сосед также свободен, но более богат» [35, с. 254].

Переход к новому обществу, по Такеру, должен произойти в результате того, что большая часть населения познает истину и откажется о повиновения государству и уничтожит его. Такер был сторонником пропаганды. Пропаганды отказа от уплаты налогов и пропаганда анархического образа жизни. Когда большинство людей примут идеи анархистов, произойдет социальная революция, которая уничтожит государство. Такер считал, что воспитывая людей управлять собой, нужно одновременно позволять им делать это. Таким образом, американский философ считал, что социальная революция, возможно, уже в его время.

Бенджамин Рикетсон Такер во многом расширил индивидуалистическое учение Штирнера. Он критиковал государство за то, что оно препятствует удовлетворению личного блага, особенно в экономических отношениях. Такер в отличие от большинства других анархистов был сторонником свободного рынка и частной собственности. В его новом обществе, основные функции государства взяли бы на себя частные компании. Свободная конкуренция сделала работу этих компаний эффективной и надежной. Такер справедливо полагал, что конфликты в обществе после исчезновение государства не исчезнут, поэтому необходимы структуры, которые решали бы эти конфликты. В этом его теория была менее утопична, чем теории анархо-коммунистов, которые полагали, что с исчезновение государства исчезнет и всякая не справедливость. В тоже время, Такер справедливо, критикуя государственные монополии не учитывал того факта, что при свободном рынке тоже могут возникнуть монополии, но уже частные. В таком случаи они могли бы подменить государство, и всё бы вернулось к старому обществу. Учение Такера, таким образом, заложило основы анархо-капитализма с его отрицанием государства и существованием свободного рынка.

1.2.7 Диего Абад де Сантильян

Диего Абад де Сантильян (1897–1983) – испанский писатель, историк и экономист, один из ведущих анархистов Испании и Аргентины. Один из участников ФАИ (Федерация анархистов Иберии) и идеологов испанской революции. Своё учение он выразил в работе «Экономический организм революции» (1936) и во множестве эссе.

Сантильян не был приверженцем строгой идеологии. Он отрицал государство, потому что оно является главным эксплуататором человека в мире. Без отказа от государства, диктующего закон для всех, не может быть никакого социального благополучия. Особенно испанский анархист критикуют новые государства, которые были созданы в его время: тоталитарные государство. Тоталитарное государство «представляет собой авторитет в максимальной степени» [54, с. 123]. С этих позиций он отрицает и большевистское государство, созданное в России. Изначальное такое государство, по его мнению, способно обеспечить более справедливое распределение благ, но затем оно должно всё больше укреплять свои институты для своей защиты. Оно разрастается, вбирает в себя все элементы общества, и становится ещё большим тираном, чем раньше. Такое государство препятствует социальному развитию общества, и освобождению личности. С этих позиций Сантильян критиковал сторонников переходного государства и синдикализма. Первые, однажды, сформировав правительство, больше не отдадут власть, под предлогом защиты интересов тех, чьими угнетателями они станут. «Капитализм государства не подавляет капитализм, а ведет к его возрождению» [54, с. 105]. Правительство пролетариата подобно любому другому правительству, только ещё хуже, потому что оно связывает рабочих с его институтами навечно. Вторые, готовы пойти на компромиссы с государством, не понимая, что только полное уничтожение правительства и собственности, способно привести их к освобождению [40]. В синдикализме, по мнению философа, рабочие подчиняются интересам профсоюзов, но это профсоюз должен подчиняться интересам рабочих.

Взамен государства Сантильян предлагал Федерацию ассоциированных коммун, интегрированных в общую экономику страны. Сантильян жестко критиковал идеи «вольных коммун» Кропоткина, считая их не пригодными для современной ему эпохи. Бурное развитие промышленности породило мировую экономику, в которой экономическая обособленность вредна и неэффективна [12]. Планируемая экономика является необходимой мерой и соответствует тенденция экономического мира. Для этой цели будет создан «Федеральный экономический совет», не имеющий политической власти. В его функции будет входить экономическое и административно регулирование. В этом совете Сантильян видел орган, который будет аккумулировать информацию, поступающую с низов, и выявлять недостатки существующей модели экономики и принимать решения по их исправлению. «Верховная власть будет заключаться в цифрах и статистике» [12, с. 102] Сантильян противопоставлял этот совет социалистическому государству, которое принимает решения, централизовано и в одностороннем порядке.

Не смотря на то, что Сантильян отставил идею ассоциированных коммун, он не был сторонником однообразного устройства этих коммун. Каждая коммуна будет вольная самая выбирать принцип общежития, по которому будет устроена. Сантильян писал о том, что нет идеальных и однообразных форм устройства общества. Так как все люди до этого жили в государстве, то очень сложно придумать безгосударственную систему, которая бы удовлетворила всех [54]. Люди в будущей Федерации вольны экспериментировать и объединяться по принципу, который сочтут более благоприятным для себя. Так через опыт сотни коммун, можно будет вычленить наиболее эффективную модель общественного устройства.

Сантлиян вслед за государством отрицал и частную собственность. Частная собственность не только аморальна, но и не эффективна. Производство любого товара включает себя издержки на сырье, умственный и физический труд работника, и механизм, который умножает интенсивность человеческого труда.

При капитализме эти факторы производства не используются эффективно. Цена же товара, которая также зависит от этих факторов – завышена по причине того, что собственник должен получить выгоду со своего производства, или процент с аренды этих факторов. Чтобы эффективно пользоваться собственностью, она должна стать общей и принадлежать всем. В социализированной экономике, по задумке Сантьяго, будут учитываться только три основных фактора производства [54]. Собственность предприятий будет находиться в руках рабочих и техников. Главным мотивом производства будет удовлетворения потребностей всех. Для этого для начала будет сделан акцент на производстве еды, одежды и жилья. Это позволит обеспечить работой тысячи рабочих, и приблизит мир к обществу благосостояния. Когда каждый сможет удовлетворить свои основные потребности, исчезнут преступления из-за бедности, тогда общество сможет превратиться в союз солидарности и взаимопомощи, о котором мечтал Кропоткин.

Сантьяго был сторонником социальной революции, которая выражалась через неподчинения законам государства и протест против существующего строя. Он был противником насилия, утверждая, что насилием не убедить массы в своей правоте. Люди в силу традиций и образования рассматривают государство, как естественный феномен. Анархисты в свою очередь должны силой пропаганды показать людям всю порочность существующей системы, чтобы убедить их вступить на путь социальной революции. Только социальная революция способна свергнуть государство и капитализм. В тоже время философ понимал, что невозможно избавиться от государства за одну ночь, и некоторые институты будут существовать и после разрушения государства. Задача анархистов «рассеять их, как можно быстрее» [54, с. 66].

Диего Абад де Сантьяго был человеком своего времени. Анализируя опыт прошедших революций, он увидел опасность вырождения анархической теории. С одной стороны синдикалистское движение всё больше подчинялось профсоюзам, которые были сторонниками компромисса между капиталистами и рабочим

классом. С другой стороны социалистическое движение под руководством большевиков представляло собой новую форму государства, в худшем его виде. В своих работах, он пытался предостеречь сторонников анархизма и рабочих всей Европы от этих крайностей. В тоже время Сантьяган скептически относился и к работам своих предшественников, считая их излишне утопическими. Он справедливо замечал, что сложно придумать новую систему общежития людей вне государства. Только экспериментальным путем можно выяснить оптимальное общественное устройство для каждой области. Его опыт в построении федерации анархистов Испании отличал его от философов анархизма, которые руководствовались лишь теоретическими концепциями. В этом аспекте его работы представляют собой интерес и для современных исследователей анархизма.

Теория анархизма с момента своего появления в XIX века оказала огромное влияние на политические процессы по всему миру. Революции конца 19 начала 20 века проходили, в том числе, под черными флагами анархистов. В этот период теория анархизма приобрела свои основные черты: отказ от государственного управления, построение нового общества на основе самоуправления. Теоретики анархизма сходились в том, что государство не способствует развитию личности, и установлению справедливого мира на земле, следовательно, нужно искать другие способы построения человеческого общества. На вопрос, каким должно было быть это общество, каждый философ отвечал по-разному. Из-за этого теория анархизма с самого начала разделилась на множество направлений, которые существуют и сейчас.

1.3 Постклассический период

После окончания Второй Мировой войны анархическое движение пришло в упадок. На это же время приходится рассвет тоталитарных и авторитарных режимов, которые любыми способами подавляли анархические движения. В XX веке индустриально-буржуазная цивилизация достигла своего апогея, что

повлекло за собой повышению уровня жизни трудящихся. Государство могло позволить себе содержание «социальных институтов». Всё это обусловило упадок теории и практики анархизма.

Новый взлет анархического движения пришелся на вторую половину 1960-х годов. Студенческая молодёжь вышла на улицы городов Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Рима. Они требовали свободы, равноправия чернокожего населения, прекращения войн, реального освобождения женщин, ликвидации ядерного оружия, производственного самоуправления [33, с. 54]. Это движение называлось «новые левые» в противовес старым левым (коммунистам и социал-демократам), которые не отражали мировоззрения нового поколения, и стали частью буржуазного государства.

В этот период создавались коммуны, культурные центры, комитеты культурной революции и самоуправления. Люди пытались найти альтернативу, как буржуазному обществу, подчиненному единственной цели: получение прибыли, так и бюрократически-тоталитарному с его подчинению всего общества государственным нуждам. Именно поэтому снова стали популярны сочинения Бакунина и Кропоткина и других теоретиков анархизма. Появились новые полуанархические движения, получившие название «автономы» «Автономы – это весьма политизированная молодежная субкультура со сложной и развитой инфраструктурой: коммуны, сквоты, альтернативные кафе и книжные магазины» [33, с. 55]. Автономы критикуют современное им репрессивное и патриархальное общество. Альтернативу они видят в обществе, построенном на принципах: самоуправления, экологизма, антитлитаризма, уважения личности и консенсуса. Сторонники движения активно выступают в защиту национальных, сексуальных меньшинств, протестуют против империалистических войн и политики капиталистических государств [33]. Наравне с автономами существуют старые формы анархического движения: анархо-синдикалистские профсоюзы (SAC в Швеции, НКТ в Испании).

Наравне с анархическими движениями появляются и новые направления в анархической теории. Среди них выделяются анархо-примитивизм Джона Зерзана. Философ исходит из того, что с момента своего создания цивилизация уже была тоталитарным образованием. Агрικультура породила предпосылки для разделения труда и установлению материальной основы социальной иерархии [28]. До начала одомашнивания животных и земледелия люди были более свободны и жили в более гармоничном мире. Разделение труда и социальная иерархия породили феномен власти и рабства. Зерзан утверждал, что в рамках цивилизации невозможно решить проблему угнетения и эксплуатации человека человеком, следовательно мы должны вернуть на ступень раньше в доцивилизационную эпоху к «свободе непосредственного существования» [16 с. 7].

Ещё один видный представитель современного анархистского учения Боб Блэк. Американский анархист в своих трудах пропагандирует идею замены работы на игру. Блэк замечает, что государство – это не столько институциональное устройство, сколько образ жизни. Главный источник эксплуатации и страданий человека – это принудительный труд. Работа – составляет большую часть жизни человека, работа лишает человека свободы, ради эфемерной пользы для общества и для личности. Блэк предлагает упразднить работу, заменив её деятельностью в форме игры [42]. Начав с упразднения работы, человек упразднит и государство. Блэк в своих сочинениях критикует и анархическую теорию, которая на его взгляд выродилось в маргинальное движение. По мнению философа, анархисты предпочитают выбрать идеологию и субкультуру анархизма, чем реально действовать в направлении изменения действующей системы. Современные анархисты создают субкультуру бунта в общей массовой культуре. Они служат интересам государства, позволяя бунту против системы встраиваться в общие рамки культуры. «Если бы анархистов не было, государству следовало бы их придумать» [9, с. 36]. Таким образом, Блэк

критикует течение анархизма за его пассивность и декоративность, предлагая взамен настоящую практику бунта и сопротивления.

На этих же идеях основывает своё учение Альфредо Бонанно – итальянский анархист и теоретик современного повстанческого анархизма. Бонанно, как и любой анархист отвергает государство. Он предлагает бороться с ним здесь и сейчас любыми возможными средствами. Бунт, вооруженное восстание, ограбления – все средства хороши для свержения государства. Бонанно видит целью анархистского учения непрекращающуюся войну против существующей действительности. В своих работах он уделяет внимание созданию повстанческих организаций и самоорганизации. В тоже время он практически не говорит о том, как должно выглядеть будущее общество, к чему должны стремиться люди после свержения государства.

Другими современными теоретиками анархизма являются Ноам Хомский с его критикой неолиберального государства, Андрэ Горц теоретик автономизма и экосоциализма, и наконец, создатель концепции «социальной экологии» и «либертарного муниципализма» Букчин Мюррей речь о котором пойдет во второй главе. В целом после 1968 анархическое движение снова стало набирать популярность в результате кризиса старых левых движений, и недовольством современным капиталистическим государством. Возникли новые анархические учение и направления, ещё больше раздробив теорию анархизма. Отличие современных учений в том, что они анализируют в своих работах не только государственной власти, но и власти вообще. По их мнению, пространство власти давно расширилось до масштабов всего общества. Иерархия и эксплуатация присуще не только старым институтам государства, но и всему обществу. Необходимо пересмотреть теории классиков анархизма, сосредоточить внимание на создании «Внешнего» пространства, находящегося вне дискурса власти [30]

1.4 Типология анархистских учений

С самого своего появления анархистская теория не была однородной. Ещё до того, как анархизм стал идеологическим учением, произошло разделение на сторонников индивидуального блага (Штирнер) и сторонников общественного блага (Годвин). Первый превыше всего ставил индивидуализм, личность и её потребности. Второй ценил общественное счастье, которому должен содействовать каждый отдельный человек. Тех, кто превыше всего ценил личное благо стали называть анархо-индивидуалисты, а их учение анархо-индивидуализм. Тех, кто выше ставили общественное благо, чем личное стали называть анархо-социалисты, а их учение анархо-социализм. Существовало также промежуточное учение – мютюэлизм (Прудон), которое сочетало в себе индивидуалистские и коллективистские формы анархизма.

Весь XIX и начало XX века теории анархизма развивались в русле основных двух направлений: индивидуалистического и социалистического. Последнее также было неоднородно, в нем выделились анархо-коллективисты (Бакунин), анархо-коммунисты (Кропоткин), анархо-синдикалисты (Диего Абада де Сантильян). Анархо-коллективисты и анархо-коммунисты различались подходами в распределении благ в обществе. Первые были за распределения дохода в соответствии с условиями работы, временем, затраченным на работу и т.д. Вторые были против получения дохода. Каждый получал свободный доступ ко всем ресурсам и излишкам. Следует отметить, что анархо-коллективисты не исключали, что в будущем более справедливым будет именно коммунистический способ распределения благ. Анархо-синдикалисты же были по основным вопросам согласны с анархо-коммунистами, а свое название получили от сторонников Маркса, как противники усиления контроля надо рабочими со стороны коммунистической партии. Что касается индивидуалистического анархизма, то в будущем он получил свое развитие в анархо-капитализме Такера, и постепенно влился в крайнюю либертарианскую идеологию, перестав ассоциироваться только с анархизмом.

Современный анархизм добавил в копилку течений, ещё несколько. Зеленый анархизм делает акцент на охрану окружающей среды. В нем выделяют сторонников возвращения к доцивилизационной эпохи с её гармоничным отношениям человека и природы (Зерзан), и сторонникам прогресса, которые верят, что с помощью современных технологии можно эту гармонию вернуть (Букчин). Анархо-феминизм (Эмма Гольдман) сосредотачивает внимание на проблеме патриархата, как фундаментальное проявление существующей государственной системы. Можно сказать, что оба направления концентрируются на частных проблемах, которые, безусловно, важны, но ими не исчерпывается весь спектр проблем взаимоотношений государства и общества.

Таким образом разделить анархизм на отдельные течения представляется чрезвычайно сложным делом. Все описанные выше течения выделялись по одному критерию, которым можно было характеризовать это течение, но этот критерий никогда не был общим для всех, следовательно, выше описанные течения мы не можем выстроить в одну типологическую систему. Самый продвинутый способ типологии анархических учений предложил Эльцбахер ещё в начале XX века. Проанализировав все анархические учения того времени, он пришел к выводу, что между ними не существует ничего общего, кроме как отрицания государства. В остальных вопросах учения сходились в одном аспекте, но могли расходиться в других. Эльцбахер выделил пять основных критериев, по которым можно разделять анархические учения [39].

Первый критерий разделяет анархические учения по основным принципам на две категории: генетические и критические учения. Первые учения исходят из того, что развитие общества идет согласно естественным законам, и анархизм является следующей стадией эволюционного пути от менее совершенного к более совершенному (Бакунин), либо от менее счастливого к более счастливому (Кропоткин). Критические учения считают высшим законом человеческого поведения норму, которая утверждает правильность общежития. Те учения, которые рассматривают закон человеческого поведение, как долг, например долг

справедливости (Прудон) называют идеалистические. Другие, рассматривают высшим законом человеческого поведения – счастье. Такие учения будут эвдемонистические. Эвдемонистические учения разделяют на альтруистические (общее счастье) и эгоистические (индивидуальное счастье).

Второй критерий разделяет анархические учения по отношению к праву. Те учения, которые отрицают, институт права в будущем называются аномистические (Годвин, Штирнер). Те учение, которые признают существование права в будущем называются – номистические (Бакунин, Прудон, Такер). Однако в номистическом учении выделяют тех, кто признает только узаконенное право (Такер), так и те, кто признают только незаконное право (Бакунин).

Третий критерий различает анархические учения по будущему устройству общества. Одни утверждают, что для будущего устройства сожительства людей необходима правовая норма, что договоры должны быть выполняемы: эти учения называются федералистическими. Другие утверждают, что для будущего устройства сожительства людей не нужны правовые взаимоотношения. Такие учения называются спонтанические.

Четвертый критерий – отношение к собственности. Те учения, которые отрицают собственность называются индоминистические (Штирнер, Годвин). Они отрицают любую форму собственности. В будущем, по их мнению, распределение благ должно проходить согласно предписаниям этого общества. Те учения, которые признают существование собственности, называются доминистическими. Доминистические учения делятся на те, что признают частную собственность (индивидуалистические), те что полностью отрицают частную собственность (коммунистические), и те что признают частную собственность только на личные блага, но отрицают её на средство производства (коллективистические).

Наконец, последний критерий: способы осуществления перехода к анархистскому обществу. Те учения, которые отвергают нарушения правовых норм в процессе перехода – называются реформаторские (Прудон). Те учения,

которые признают нарушения правовых норм – называются революционными. Революционные учения делятся на инсургентские, которые признают применения насилия (Бакунин), и сопротивленские, которые не признают применения насилия (Такер).

Главными критериями в этой типологии выступают отношения к праву, собственности и будущему устройству общества. Именно по этим трем критериями будет проводиться анализ теории либертарного муниципализма во второй главе.

Выводы по разделу:

Теория анархизма прошла долгий путь от протоанархизма времен античности до современных зеленых анархистов, борющихся за сохранения экологического равновесия мира. Наибольший расцвет анархическое учение пережило на рубеже XIX и XX веков. В тот период теоретики анархизма озвучили основные недостатки государственной системы, которые существуют и сегодня. Также они предложили пути преодоления этих недостатков с помощью безгосударственного развития общества. Хотя в революциях той эпохи в итоге возобладали коммунистические идеи Маркса, анархизм оставил свой след в практике парижских коммун и федерации свободных коммун в Испании. Многие исследователи полагают, что теория анархизма осталась в прошлом и не несет в себе ничего полезного для нашего поколения. Однако, современные тенденции показывают, что люди всё меньше склонны доверять правительству своих стран [55, с. 42], скептически относятся к войнам, которые захлестнули ближний восток. Они ищут альтернативные способы развития государства и общества, которые бы были более справедливые и эффективные, чем сегодняшние. Одной из таких альтернатив может стать теория Либертарного муниципализма М. Букчина, речь о которой пойдет во второй главе.

2 ТЕОРИЯ ЛИБЕРТАРНОГО МУНИЦИПАЛИЗМА

Теория либертарного муниципализма зародилась в США в 90-е гг. XX века. Её создателем был Мюррей Букчин потомок российских евреев эмигрантов. Мюррей входил в коммунистическое молодежное движение, но позже был исключен за «троцкисто-анархистский уклон». Он активно критиковал коммунистов в США и большевиков в России за их авторитарные способы управления, противопоставляя им децентрализованные методы анархистов в Испании в годы гражданской войны. В 60-е годы философ публикует два эссе: «Наша синтетическая окружающая среда» и «Экология и революционная мысль», в которых рассуждает на тему экологии, политики и социальной жизни. Букчин стоял в основании движения эконоанархизма и мирового экологического движения. В это же время он вводит новую дисциплину «социальная экология». Социальная экология базируется на убеждении, что современные экологические проблемы невозможно понять исходя только из взаимоотношений природы и общества. Корень экологических проблем находится в социальных проблемах. В последующие годы своей главной целью Букчин видел в разработке такой концепции устройства общества, которая бы установила гармоничные отношения между обществом и природой с одной стороны, и людьми в обществе с другой стороны. Это концепция и получила название: «Либертарный муниципализм» Прежде чем анализировать теорию либертарного муниципализма, необходимо разобрать теорию социальной экологии, из которой автор выводит свою практику свободных муниципалитетов. Речь о социальной экологии пойдет в первом параграфе этой главы.

2.1 Социальная экология Мюррея Букчина

Букчин одним из первых обратил внимания на связь между ухудшением экологического состояния мира и современным ему обществом. Экологические проблемы, которых с каждым годом становилось всё больше, были вызовов не

только для отдельных стран, страдавших от экологических катастроф, но для всего человечества в целом. Американский философ задался вопросом: «Как сложились такие «воинственные» взаимоотношения между природой и обществом?» [10, с. 55]. Он критиковал тех, кто считал, что цивилизация изначально противопоставлялась природе. Такие ученые рассматривали процесс разрушения природы естественным, а единственным выходом считали возвращение к доцивилизационному обществу с его гармоничным отношением к природе [1]. Букчин в противоположность этой точки зрения рассматривал человеческую цивилизацию, как естественное продолжение эволюции природы. Не смотря на уникальность человеческого общества, объединение в группы было присуще и другим видам млекопитающих. Социальные механизмы существуют и у высших приматов в самом простом виде [10, с. 23]. В тоже время нельзя сводить человеческое общество только к природным факторам, это бы слишком упростило такое сложное явления, как цивилизация.

Букчин в своих работах анализирует развитие человеческого общества из природного сообщества. Он пытается найти те точки разрыва в социальной эволюции, где произошли конфликты, которые, в конечном счете, привели общество к оппозиции к природе. Одна из таких точек создание иерархии в человеческом обществе. По мнению американского философа, только, когда человек начал подчинять своей воле другого человека, люди стали делиться на господ и слуг, тогда и возникла идея о подчинение природы, которая существует до сих пор [10].

Безусловно, иерархия существует в группах и в природном сообществе, у приматов и у других млекопитающих. Однако нельзя сравнивать её с иерархией, которая появляется в человеческом обществе. У млекопитающих она никогда не была закреплена социальными институтами, как это происходит у людей. «Например, у обезьян нет, или почти нет принуждения, а существуют только мягкие формы доминирующего поведения» [10, с. 43]. Лидеры в таком сообществе имеют весьма условное значение. Статус в группах животных,

отражает различия в групповом поведении и функция, а не принудительные действия к особям своего рода. Следуя, этим фактам, Букчин отрицает то, что доминантные отношения человека над человеком – это нечто естественно, как утверждают либералы или марксисты. Иерархия – это термин сугубо социологический, а не зоологический.

Букчин пишет, что изначально первобытные человеческие общества были не иерархичны. Отношения внутри таких обществ были построены на основе равенства и взаимопомощи. Как показывают исследования антропологов и лингвистов: у индейцев племени винту не было переходных глаголов: «иметь», «брать», «владеть» [10, с. 63]. У таких племен не было собственности в нашем понимании, каждый имел свой минимальный достаток, который помогал ему выжить. Племя скрепляли родственные связи между его членами. В таком обществе, по-видимому, не существовало доминирования мужчин над женщинами, так как роль женщины, как продолжательницы рода была основополагающей. Естественно в таком человеческом обществе не могла идти речь о подчинении природы. Природа была источником жизни, благополучия и процветания.

Дальнейший анализ первобытных обществ выявил, что первейшая иерархическая система начинается с доминирования старших членов племени над младшими. Это система называется геронтократией. Присутствие подобной социальной организации можно встретить практически во всех обществах древнего времени. Геронтакратия представляла собой систему, при которой решения принимались советом старейшин, или коллегиально с учетом мнения старших членов общества. Это было необходимо для выживания племени, так как у старших членов общества был опыт и навыки, которые они передавали младшим членам общины. Этот факт приводят нас к тому, что старшие члены общества имели монополию на знания. Так как письменности ещё не существовало, только по средствам личного общения знания могли передаваться из поколения в поколение. Это также закрепляло доминирующее положение

старших членов в обществе. Однако эту иерархию нельзя назвать строгой и элитарной. Каждый член общины мог войти в когорту старейшин, достигнув определённого возраста (не зависимо от пола). Такое устройство было эффективным для выживания племени и рода [10].

Следующим этапом иерархизации, по мнению Букчина, было закрепление главенствующего положения мужчин в обществе. Изначальное не было никаких предпосылок в доминировании мужчин над женщинами, так как женщины поддерживали стабильность племени. Однако, по мере возрастания конфликтов между племенами, роль мужчин, как воинов усилилась в обществе. [10, с. 69]. Этому естественно способствовали биологические факторы, мужчины были более сильными особями, приспособленными для охоты и защиты племени. Конфликты, увеличивали роль мужчин в обществе, наконец «из шкуры самом сильного охотника вылез новый вид «большой человек», который был также великим воином» [10, с. 92]. Однако прежде чем возникло доминирование мужчин над женщинами, возникло доминирование мужчин над мужчинами. Более слабые представители мужского пола «маленькие люди» должны были обеспечивать воина оружием, пищей, воздвигать укрепления. Так образуется первое проявление господства человека над человеком. В этот же период происходит слом кровных связей. Воины часто выбирали к себе в компаньоны чужестранцев, которые не принадлежали родовому клану. Так формировалась элита на узах клятв братства и верности, которые позже преобразовались в клятвы верности вассалов феодалам. Первоначально такая иерархия приводила к неглубокому разделению в обществе и могла быть отвергнута (как было в некоторых североамериканских племенах индейцев). Однако по мере увеличения количества таких общин, стало невозможно эгалитарное развитие других, из-за слабости перед военными общинами соседей. Таким образом, появление привилегированной группы воинов стало первым поворотным пунктом истории доминирования человека над человеком и природой.

Вторым поворотным пунктом в истории стало возникновение города. Город сформировал территориальную арену, где вместо родственных связей возникли экономические интересы. Город расширил понятие «свой». Теперь чужой или посторонний, мог войти в чужое человеческое общества став гражданином города. Окончательно этот факт определил римский император Каракалла в III веке н.э., когда провозгласил всех свободных людей Римской империи, гражданами Рима. Город стал ареной битвы двух тенденций иерархической и неиерархической. С одной стороны военная родоплеменная знать и геронтократия перекачивали в город, породив будущую феодальную знать и монарха. С другой стороны деревенские и племенные собрания также перекачивали в город (например, Афины). Традиционная деспотическая, аристократическая культура знати и епископов боролась с гражданской, рациональной культурой городов, которая выразилась в городах-государствах, и ремесленных гильдиях [57]. Эти тенденции боролись между собой до появления национального государства и капитализма.

Третий поворотный пункт в истории связан именно с этими феноменами. Национальное государство пришло на смену империям, которые в силу своей природы не могли существовать вечно. Однако, Букчин считает, что это было не единственной альтернативой того времени. До XIX века шла ожесточенная борьба между свободными городами, в которых существовали гильдии и различного рода автономии, и королевской властью, которая стремилась эти города подчинить. Итальянские и германские города представляли собой мощные самоуправляемые государства, которые боролись против лордов и иноземных захватчиков. Юный Людовик XIV был выгнан из Парижа французской аристократией и парижскими бюргерами. Абсолютизм был разрушен, до того момента, когда монархия вернула себе власть [10, с. 89]. В этот момент истории боролись две тенденции конфедерализм свободных городов и национальное государство.

Тоже самое касалось и капитализма, который, по мнению, Букчина всегда существовал в истории [58], но сдерживался традициями, императорами (в Древнем Риме), гильдиями и христианской культурой, которая не признавала материального накопления. Буржуазия была презренным низшим классом, желающим принадлежать аристократии. Всё изменилось после славной революции в Англии в 1688 году. Аристократия стала управлять государством, монах стал символом межклассового союза, а буржуазия получила «свободу действия в управлении экономикой» После этого за счет технологических инноваций, укрупнения производства и дешевой рабочей силы буржуазия становится доминирующим классом, а капитализм мировой экономической системой. Началась эра «неограниченной экспансии и бурного разгрома» [11, с. 93]. Конкуренция стала двигателем прогресса, противопоставляя не только капиталиста капиталисту, но продавца покупателю, индивида индивиду. «Капитализм разделил биологический вид человека, заставив его противостоять самому себе также резко и грубо, как он противопоставил человека и природу» [10, с. 93].

Последняя поворотная точка окончательно утвердила иерархический принцип в обществе. Теперь одни экономические классы господствовали над другими. Рост экономики – стал главной целью капиталистического общества. Для этого применялись любые средства, в том числе и чудовищная эксплуатация природы, не смотря на последствия. Бучин считает, что невозможно перестроить капиталистическую систему, сделать её более экологичной, ограничить прирост, так как это противоречит основным принципам системы. Так же невозможно построить более разумное, справедливое и гармоничное общество в системе иерархии. С этих позиций, философ критиковал марксистов с их переходным государством, которое заменяло одну иерархию другой [10].

Миру нужен новый принцип, по которому можно было бы построить новое общество. Этот принцип был сформирован самими миром, в котором мы живем. Невозможно больше отмахиваться от экологических проблем, которые

существуют в мире. Цель социальной экологии – создание общечеловеческого интереса, который сможет объединить человечество [58, с. 4]. Новое общество должно быть основано на принципах баланса общества и природы. Социальная экология Мюррея позволяет увидеть, что это невозможно лишь за счет внедрения новых технологий. В современной системе технологии служат для ещё больше централизации системы, делая общество более технократическим. По мнению Букчина, человечество должно гармонизировать отношения между людьми, устранить классовые, этнические, национальные, частные противоречия между людьми. Этот шаг позволит устранить антагонизм между обществом и природой. В тоже время это не должно быть приведением людей к единообразию. Разнообразие по-прежнему останется в мире, так как мы все уникальные индивиды и общности, но это будет единство разнообразий. «Социально, эта точка зрения выражена в греческом идеале совершенной, многосторонней личности, которая есть продукт совершенного, многостороннего общества» [10, с. 132].

Таким образом, социальная экология – это учение, которое предлагает новый подход к устройству современного общества: экологический, коммунитарный, этический. Социальная экология указывает на недостатки современной капиталистической и государственной системы, подчеркивая, что становление этих систем вовсе не было предопределено. Иерархия и доминирование человека над человеком, создали условия, при которых стало возможно нарушение хрупкого экологического баланса, который грозит экологической катастрофой для всего человечества. Только перестроив общество, можно вернуть человечество в гармоничные отношения с природой, и человека с человеком. Принципы такого устройства общества Букчин выразил в теории либертарного муниципализма, речь о котором пойдет в параграфе 2.2.

2.2 Основные принципы либертарного муниципализма

Либертарный муниципализм – одна из многих политических теорий, посвященных принципам и практике демократии. В отличие от большинства других теорий, данная теория не согласна с тем, что государство и правительственные системы, характерные для западных стран являются демократиями [57]. Современные демократии в отличие от демократий греческих полисов основаны на иерархии и на профессиональной отдаленности аппарата государства от общества. Либертарный муниципализм продвигает прямую демократию, в которой граждане в общинах управляют общественными делами самостоятельно.

В отличие от теории представительной «демократии», либертарный муниципализм делает различие между государственным управлением и политикой. Политика происходит от греческого слова «полис» и представляет собой управление полисом, городом через собрание граждан. Тогда как государственное управление происходит по средствам группы профессиональных политиков, которые оторваны от общества в силу своих специфических обязанностей. В идеале профессиональные политики выбираются голосованием граждан на свободных демократических выборах. Таким образом, граждане выбирают кандидатов или партии, которые максимально точно отражают их интересы. В результате, когда принимается какой-либо законодательный акт или любое другое действие, оно отражает волю большинства граждан.

Мюррей Букчин считает эту систему фальшивой и иллюзорной. Политики на являются воплощением воли народы, они профессионалы, чьи интересы заключается в том, чтобы получить власть или назначение на высший пост. Большинство избирательных кампаний, используют средства массовой информации для манипуляции людьми. Программы кандидатов становятся всё более расплывчатыми и популистскими. Их цель привлечь, как можно больше сторонников на свою сторону в день выборов, а не реальное исполнение пунктов программы в будущем. Политики служат не избирателям, а заинтересованным

группам, которые выделяют деньги на избирательную кампанию. Следовательно, их политика будет служить интересам капитала, а не интересам тех, кого они якобы представляют [57].

Так происходит не из-за «плохих» кандидатов, а потому что они вынуждены подчиняться системе, которая так устроена. Они вынуждены служить интересам элиты и капитала, которая обеспечивает систему своими деньгами. Государственное управление, таким образом, предполагает отречение от власти большинства граждан. Оно сводит функции граждан к уплате налогов и участию в выборах [58].

Политика, как было сказано выше основывается на прямом управлении общественными делами гражданами через личные демократические институты [58]. Демократия и реальное самоуправление невозможны, пока люди не соберутся вместе в форме открытых ассамблей. Политика должна предшествовать управлению, которое будет лишь исполнять решения, принятые всеми гражданами города. Ассамблеи всегда должны быть способны отозвать своих представителей, если они действуют против их воли. Это условие, залог настоящей свободы и демократии.

Ассамблеи могут функционировать в любых городах, или районах на уровне города, вместе образуя федерацию на подобие той, о которой писал Прудон. Современная инфраструктура позволяет принимать решения большинству населения. Эксперты в той или сфере могут выступать со своими заключениями по проблемам. Решения принимаются большинством голосов. Букчин был противником консенсуса. При такой форме принятия решения, писал он, «устанавливает тирания консенсуса, которая ничем не лучше тирании насилия» [10, с. 201]. Она подавляет индивидуальность, во имя сообщества. Это препятствует как развитию личности, так и развитию солидарности в общества. Солидарность в обществе одно из важнейших условий существования новой формы устройства общества. Букчин постоянно обращался в своих работах к афинскому полису, где существовало глубокое чувство единства. Солидарность в

обществе залог того, что граждане будут интересоваться проблемами своих соседей, и города. Американский философ верил, что в будущем, возможно, будет воспитана гражданская культура в обществе, когда интересы города будут согласованы с интересами личности. «Человек должен был научиться гражданской ответственности, научиться обосновывать собственную точку зрения и внимательно выслушивать чужую, защищать испытанные принципы, основанные на высоких этических стандартах» [10, с. 211]. Эти этические ценности очень важны, без них, по мнению Букчина, невозможно создание гражданской демократии.

Основную надежду новой гражданской демократии Букчин возлагает на город. Город, как уже было сказано, всегда противостоял тенденциям централизации. Во многих частях европейского и американского мира политическая жизнь всё ещё остается жива, не смотря на все силы направленные против неё. В таких городах по-прежнему остаются гражданские ассоциации, городские встречи, форму ориентированные на конкретные проблемы. Однако общая тенденция негативная. Гражданин низведен до простого налогоплательщика, потребителя и пользователя общественных служб. Современная урбанизация поглощает небольшие сообщества, превращая их в огромные мегаполитические пояса, в которых люди атомизированы и пассивны.

Главная задача анархистов поддерживать те муниципалитеты, которые остались. Проект либертарного муниципализма заключается в том, чтобы возродить политическую сферу города и расширить местную демократию. Свободные собрания в виде ассамблей или муниципалитетов должны быть институализированы. Граждане данного муниципалитета могут встречаться и решать вопросы, представляющие общий интерес. Город может быть разделен на несколько таких муниципалитетов в зависимости от размера. Созданные демократизированные районы могут затем соединяться друг с другом и формировать конфедерации, которые будут координировать деятельность всего города. Букчин писал, что особенно большие города должны быть перестроены,

так как их нагрузка на экологию слишком велика, а управления в них слишком централизовано [10, с. 243] . Децентрализация больших городов, таким образом, это не утопическая «идея», а необходимость, перед которой ставит нас экология мира.

После того, как в обществе будут учреждены собрания (неважно будут ли это собрания официальных муниципалитетов или гражданские) нужно будет составить подзаконный акт. В нем будут определены процедуры принятия решений, отбор лиц для выполнения решений, и меры привлечения этих лиц к ответственности, в случаи неисполнения воли собраний. Это позволит контролировать тех, кто исполняет решения, администраторов, которые в современном обществе также принимают решения, как и исполняют их [58].

Главное, чтобы члены собрания помнили, что пока муниципалитеты не наполнятся новым содержанием, это будет лишь институциональная структура при государстве. Когда будет пройден первый шаг, необходимо перейти к следующему. По мере того, как гражданская демократия будет расширяться, всё больше людей будет участвовать в таких собраниях. В конечном счете, цель этих собраний изменить городские уставы, расширив права муниципалитетов. После это можно будет работать над максимальным требованиям либертарного муниципалитета: созданием конфедерации муниципальных собраний, и созданием экологического, рационального, либертарного общества.

Конфедерализм – один из важнейших принципов теории либертарного муниципализма. Букчин отрицает Кропоткинскую автономность общин. «Никакой муниципалитет, который практикует прямую демократию, не может быть самодостаточным» [58, с. 92]. Американский философ принял идеи испанского анархиста Диего Абада де Сантильяна, который видел проблему в автономности общин из-за нехватки ресурсов. Любому сообществу требуется больше ресурсов и сырья, чем может предложить их собственная земля. Таким образом, конфедерация это экономическая и социальная необходимость. Для того, чтобы граждане могли свободно участвовать в политической жизни своего

муниципалитета, новое общество должно ему обеспечить свободное время. В противном случае требования выживания и личной безопасности будут приоритетными в жизни граждан.

В конфедерации либертарные муниципалитеты отправляют делегатов в конфедеративный совет. Эти делегаты не могут обладать собственной политической волей, они лишь представители воли муниципалитета, который их отправил. Сам конфедеративный совет будет существовать, прежде всего, в административных и судебных целях, с целью координации политики, сформулированной ассамблеями, то есть будет иметь исполнительную и судебную функции. Именно граждане в демократических ассамблеях будут заниматься политикой. Они будут разрабатывать возможные действия по конкретному вопросу. Если проблема будет связана с технологической сложностью, то будут приглашаться эксперты, которые могут вносить корректировки в решение проблемы, и заново выносить их на обсуждение. Если проблема касается всей конфедерации, то будет производиться общее голосование всех городов и всех муниципалитетов этих городов. Букчин в своей книге приводит пример подобного голосования. «Предположим, что одно из сообществ членов конфедерации нарушило экологический баланс (сбрасывало отходы в реку) или нарушило права человека (исключило из муниципалитета людей с другим цветом кожи). Один или несколько из его коллег-муниципалитетов могут предложить, чтобы все муниципалитеты-члены участвовали в голосовании за то, сможет ли это сообщество сохранить свою вредную практику. Совет конфедерации координировал бы то, что называется конфедеративный референдум, в котором, муниципалитеты могли бы проголосовать за то, что это сообщество отказалось от своих преступлений» [57, с. 78]. Подобный подход побуждает граждан создавать возможные альтернативные решения, тщательно исследовать проблему и расширять свои знания, тем самым укрепляя гражданскую культуру [58, с. 64]. Конфедерации муниципалитетов могут формироваться на глобальной основе, тем самым будет

исполнена мечта революционных движений прошлого: создание «Коммуны коммун».

Всё это приводит к тому, что должна произойти переоценка технологического базиса современного общества [10, с. 303]. Современные производительные технологии достаточно развиты для экономики всеобщего благосостояния. Автоматизированные производства способны дать человеку то свободное время, в котором он нуждается. В современном обществе эти технологии используются для роста прибыли и расширения бизнеса. Производство направлено не на устранения дефицита основных товаров, а автоматизация служит для снижения издержек и получения прибыли. В рационально-анархистском обществе социальные отношения, которые приводят к погоне за прибылью, должны быть устранены.

Однако, по мнению Букчина, некоторые технологии независимо от социальных отношений будут приносить вред окружающей среде, например атомные станции. «Во время прогрессирующей экологической деградации мы более не можем сохранять технику, наносящую вред планете и людям, - трудно представить, что ущерб, причиненный одному из них, не затронет другого» [10, с. 315]. Одной из основных проблем, порождённых капитализмом, Букчин видел в том, что технологии больше не рассматриваются с этической точки зрения. Капитализм разорвал эту связь, устранил любую этическую ответственность между производителем и потребителем. В новом обществе человек должен более этично подходить к новым технологиям, чтобы они не только не вредили экологии, но и служили всему обществу.

Тип экономической жизни, которую продвигает Букчин, это не национализированная экономика, которая существует при государственном социализме. При такой экономике необходимо государство, которое отрицает автор. Также американский философ был против синдикализма. Коллективное предприятие, которое принадлежит рабочим не всегда коммунистическое. Такие предприятия в итоге начинают конкурировать на рынке за ресурсы и

потребителей, тем самым, сохраняя капиталистическую систему. Например, предприятия, находящиеся в собственности рабочих в Скандинавии, слишком часто превращались в олигархические корпорации. [10, с. 354].

«Либертарный муниципализм предлагает холистический подход к экологически ориентированной экономике» [10, с. 354]. Предприятия и сельское хозяйство будут управляться муниципалитетами. Все граждане муниципалитета будут участвовать в обсуждении производства товаров. Граждане станут коллективными владельцами экономических ресурсов своего сообщества и будут формулировать экономическую политику в общих интересах. Это позволит избежать между конкуренции между частными интересами или рабочими кооперативами на производстве. Те, кто работает на определенной фабрике, могут участвовать в политике не только своего предприятия, но и в политике других предприятий. Таким образом, каждый будет принимать решения как гражданин, а не как частное лицо, или представитель узкой группы или класса.

Букчин считал, что без экономического равенства любая демократия рано или поздно вырождается в олигархию [58]. В новом свободном обществе вся частная собственность будет принадлежать муниципалитету. Через муниципализацию экономики граждане смогут экспроприировать богатства привилегированных классов, и отдать их в руки всего сообщества. Распределение будет происходить согласно коммунистическим обещаниям пост-дефицита. Каждый человек в общине будет иметь доступ к материальным благам независимо от работы, которую он выполняет. Экономическая жизнь будет поставлена под контроль политической сферы, которая поглотила бы частные интересы не производстве, оставив только общемуниципальные интересы.

В новой экономике человек будет менять виды деятельности – работа на производстве, работа в деревне. Букчин был сторонником идей Фурье и Кропоткина. Рабочий день будет разделен на занятия ремеслом, чтение, производством. Каждый гражданин будет обладать большинством навыков, которые позволят ему диверсифицировать свою работу. Это позволит ему

принимать более взвешенные решения, касающиеся проблем производства и города [10, с. 164]. Решения ассамблеи будут руководствоваться рациональными и экологическими стандартами. Это позволит избежать расточительства, экологического уничтожения и нарушения прав человека. Такие же правила будут действовать для всей конфедерации. Таким образом, тщательная политизация экономики расширила бы нравственную экономику до широкого регионального масштаба.

Наконец, будущий переход к обществу нового типа, будет возможен, только если объективная реальность поставит современное общество перед необходимостью социальных перемен [10, с. 367]. Поэтому новый революционный проект должен быть образовательным. Каждый, кто принимает принципы социальной экологии и либертарного муниципализма должен вносить свой вклад в пропаганде идей. Букчин, как и Кропоткин, выступал за активную пропаганду своих идей среди населения: листовки, книги, передачи на телевидении, все, что поможет показать людям прелести нового общества. Американский философ критиковал современные ему анархистские движения, за то, что они активно борются с властью, но не имеют под собой теоретическую базу. Их идеи антимилитаризма, экологизма, коммунализма не находят понимания в обществе, потому что анархисты не могут их объяснить, показать их преимущества.

Букчин понимал, что либертарный муниципализм не может быть, достигнут в результате революционного подъема. «Движение должно расти, пока в долгосрочной перспективе, большинство муниципалитетов не будет демократизировано, чтобы сформировать конфедерацию» [58, с. 99]. Существующие структуры власти, конечно, попытаются сохранить свою монополию на управление обществом. Для защиты демократических муниципалитетов Букчин предлагал создать гражданскую милицию. Гражданская милиция будет формироваться, как добровольно, так и нет в случаи необходимости. Она будет не только защищать муниципалитеты, но и будет

символом равенства и взаимопомощи [58]. В конце концов, может создаться ситуация, когда в государстве будет существовать двойная власть, пока, наконец, не победит гражданская демократия. Также Букчин был противником формирования других институтов власти, кроме муниципалитетов в революционный или переходный период. Как показывает история любая группа, или институт однажды захватив власть, пытается её сохранить любыми средствами. «В соответствии с требованием анархизма о единстве средств и целей наш переходный институт, противодействующий государству, тот же, что и наше окончательное учреждение» [58, с. 103].

Таким образом, цель либертарного муниципализма – возродить общественную сферу, превратив её в политическую. Такая перемена будет способствовать превращению граждан из пассивных избирателей в активных участников жизни общества. Либертарный муниципализм направлен на превращение современной демократии в прямую демократию с институционализацией общественных и городских собраний. Новое общество должно формироваться на принципах экологизма, неиерархичности, гражданской культуры активного гражданина, конфедерализма и муниципальной собственности.

2.3 Место Либертарного муниципализма в теории анархизма

Учение Мюррея Букчина исследователи относят к экоанархизму, так как оно делает акцент на защите окружающей среды. Последователи этого учения критикуют другие учения анархизма за то, что те фокусируется только на политике и экономике. Экоанархизм сосредотачивает внимание на экосистеме, и на отношении природы и человека. Экоанархисты справедливо указывают на возросшую роль проблем экологии в современном обществе. Однако, говорить об учении Букчина только, опираясь на тот факт, что оно основывается на защите окружающей среды, значит сужать его теорию до одного принципа. В этом параграфе мы рассмотрим учение американского философа согласно критериями, которые выделял Эльцбахер, и которые были описаны в первой главе.

По отношению к своим основным принципам Эльцабахер делил все учения на генетические и критические [39]. Генетические учение, как мы помним, исходят из того, что человечество движется от одних форм общежития к другим, более эффективным. Этот процесс естественный и заложен в самой природе человечества. Букчин в своих работах писал о естественной и социальной эволюции, которая определила развитие человечества. Таким образом, человеческое общество – это сплав естественных процессов (рождение племенного общества на основе родственных линий) и социальных (создание геронтократии, космополитизация жизни в городе). Однако, в отличие от Кропоткина и Бакунина у которых вся история человеческой цивилизации проходила естественные этапы развития от худшего общества к лучшему, Букчин писал о нелинейности истории. На протяжении всего существования человеческого общества развивалось параллельно в нескольких направлениях. Ни одно из этих направлений не было предопределено. В средневековье была альтернатива свободных городов и конфедераций, в древности сохранения общинных собраний. В итоге человечество пошло в направлении капитализма и национального государства. Однако, это, по мнению Букчина, не значит, что эти альтернативы были лучше и эффективнее. Иерархическое общество, которое окончательно выразилось в национальном государстве неестественно для человека и природы, оно ведет к нарушению гармонии между человечеством и природой, что противоречит естественной эволюции человека. Человечество должно переосмыслить свой опыт и вернуться к неиерархической модели поведения. Это и будет победа естественной и социальной эволюции. Таким образом, учение Букчина относится к генетическим.

По отношению к праву учения делятся на аномистические и номистические. Букчин мало уделял внимания вопросам права в своих работах. Может показаться, что его учение основано на аномистическом принципе, который отрицает право для будущего общества. Однако если разобраться в механизме устройства либертарного муниципализма, то можно найти примеры, когда одни

муниципалитеты пресекали бы действия других. Например, если бы муниципалитет не соблюдал принцип экологизма, или равноправия граждан [10]. В этом бы случаи, Букчин писал, что другие муниципалитеты имеют право на принуждения других муниципалитетов к изменению их решения. В новом обществе существовало бы общее право, основанное на принципах экологизма, неиерархичности, свободного участия в собраниях и т.д. Следовательно, учение Букчина можно отнести к номинистическим учением. Решения того будет ли это право только незаконным, или оно будет существовать вместе с законным право, Букчин отдавал на откуп самим гражданам в будущей конфедерации.

Букчин, как всякий анархист отрицает государство. Делает оно это, так как государство препятствует гармоничным отношениям между человеком и природой; человеком и человеком. Как и Кропоткин, и Прудон Букчин утверждает, что место государства должны занять свободные коммуны, объединенные в общую федерацию (конфедерацию). Следовательно, его учение будет федералистическое. В отличие от Кропоткина и Прудона, коммуны или муниципалитеты у Букчина должны быть более связаны между собой, так как автономные коммуны не смогут удовлетворить все экономические потребности своих граждан.

По отношению к собственности учение Букчина можно назвать доминистическим, так как он не отрицает собственность в будущем обществе. Как Бакунин и Кропоткин Букчин утверждает собственность для будущего, но отрицает частную собственность. Также американский философ отрицает и коллективистскую собственность. По его мнению, коллективистская собственность рабочих на предприятие ведет к конкуренции и возвращению института рынка и капитализма. Также в отличие от Бакунина Букчин отрицал любую форму частной собственности, как на средства производства, так и на средства потребления. В либертарном муниципализме вся собственность принадлежит муниципалитетом и распределяется согласно потребностям каждого человека. Такое учение называет коммунистическим.

По принципу осуществления анархические учения делятся на реформаторские и революционные. Букчин признавал оба метода действия. С одной стороны граждане должны активно участвовать в работе современных органов самоуправления. Участвовать в местных выборах, и пытаться изменять структуру муниципалитетов, согласно действующему праву [58, с. 52]. Исходя из этого, учение Букчина можно охарактеризовать, как реформаторское. Однако, там где такой вариант невозможно, граждан следует создавать параллельные структуры местного самоуправления. Активно привлекать граждан к работе в собраниях, активно участвовать в пропаганде учения, нарушать действующее право, если оно противоречит решением этих собрания. Это уже роднит либертарный муниципализм с революционными учениями. При том переход может быть осуществлен, как ненасильственными методами сопротивления (неуплата налогов, арендной платы), так и насильственными. Подтверждением последнего тезиса может служить то, что Букчин предлагал создавать отряды самообороны и милиции, которые бы охраняли муниципалитеты от вмешательства государственных структур. Из этого можно сделать вывод, что учение Букчина не подходит не под одну из конкретных форм, которые предложил Эльцбахер. Скорее оно вбирает в себя эти формы. Мы может назвать это учение ситуационным, потому что Букчин указывал в своих работах, что пропаганда нового образа жизни должна исходить из местных особенностей культуры и развития общества, подстраиваться под них, чтобы быть успешной [58, с. 74].

Таким образом, учение Букчина будет генетическим, номистическим, федералистическим, доминистическим, коммунистическим и ситуационным. Учение американского философа во многом повторяет учение испанского анархиста Диего Абада де Сантильяна. Это не удивительно, потому американский философ был впечатлен Испанской революцией и практикой, которая там сложилась, во многом он перенял эту практику в своих работах.

2.4 Недостатки теории либертарного муниципализма

2.4.1 Политическая сфера

Мюррей Букчин в своих работах писал, что целью всей исторической трансформации должно стать экологическое общество, основанное на принципах либертарного муниципализма. Однако, как и любая теория, теория либертарного муниципализма не лишена недостатков. В этом параграфе мы разберем основные недостатки теории, и выясним: имеет ли теория либертарного муниципализма шансы стать идеологией новых левых.

Букчин видел основой новых обществ муниципалитеты, которые по его задумке должны были стать краеугольным камнем новой политической и социальной жизни. Однако современное общество предполагает разделение частной и общественной жизни, в которой частная играет доминирующую роль. Личная сфера человека играет огромную роль и в политическом измерении, человек может больше ориентироваться на родственников и друзей, на их ценности, а не на ценности городской общины, также формирование политических ценностей идет именно на уровне частной жизни. Муниципалитет, следовательно, не будет уже основой социальной жизни общества, а в лучшем случае будет делить её со старым институтом семью.

Букчин признавал этот аргумент и писал о том, что «единственный институт вне личной жизни, с которым человек должен иметь дело на прямой основе является город, с которым мы сталкиваемся, и с которым мы обязаны иметь дело за пределами семьи и друзей, чтобы удовлетворить наши потребности, как социальные существа» [58, .с 76]. Исследователь либертарного муниципализма Джон Кларк замечает в своей работе «Муниципальные мечты: социально-экологическая критика букчинской политики», что это не так. Миллионы людей в современном обществе более непосредственно взаимодействуют со средствами массовой информации, со своими начальниками и коллегами на работе [61]. Почему в новом общества первичным институтом, с которым взаимодействует общество, должен стать муниципалитет, не понятно.

Также Букчин в своих работах разделял все сферы жизни современного общества на государственную, социальную и политическую. Государственная сфера включает в себя все учреждения и деятельность, которые относятся к государственному управлению. Социальная сфера включает в себя всё остальное общество за исключением политического. Политическая сфера это институты собственно либертарной системы муниципалитетов. В этом кроется опасность его теории для самой себя. Букчин сводит всё политической лишь к либертарному муниципализму, тогда как всё остальное не относится к политической жизни. Однако в реальном мире все три сферы взаимопроникают друг в друга. Современные зеленые движения заседают в парламенте и пытаются изменять общество по средствам реформ. Общественные движения, направленные, в том числе и против загрязнения окружающей среды или против локальной проблемы, существуют вне муниципалитетов. Нельзя отделять политическую сферу от всех остальных, замыкая её только на муниципалитетах. Как показывает история политический аспект в обществе не отделяется от социального. «Скорее по мере развития социального целого происходит трансформация и политизация многих аспектов» [61, с. 66].

Одним из наиболее привлекательных аспектов политики Букчина является акцент на возможностях самореализации посредством участия в политической деятельности. Идеальный гражданин, по версии философа, обладает высоким интеллектом, широкой компетенцией по самым разным вопросам, моральной честностью и социальной ответственностью [11]. Новое общество должно создать такие условия, чтобы гражданин мог совмещать индивидуальную самореализацию со стремлением к благосостоянию общества. Но есть большие трудности для реализации этой концепции. Процессы социализации находятся в руках государства и современного общества, которые стремятся обучать граждан обслуживать существующую систему, а не будущее общество. Либертарный муниципализм же предполагает, что гражданин уже способен управлять новой социальной реальностью, если она возникнет сейчас [50]. Либертарный

муниципализм требует длительной подготовки, обучения, которое предполагает создания «новых людей». Это характерно не только для теории Букчина. Многих анархистов-теоретиков можно упрекнуть в том, что придумывали идеальные социальные институты под идеальных людей. В реальности же, при создании новых институтов политическая и социальная культура переделала бы их под себя. Не случайно, например, в США муниципалитеты связаны с правой идеологией, а не левой. Многие из них представляют собой реакционный локализм с шовинистическими, иногда даже расистскими взглядами [61]. Поэтому для перенесения институтов либертарного муниципализма, нужна трансформация политической, гражданской и экономической культуры в обществе.

Для того, чтобы изменять культуру общества необходимо распространения идея Букчина в обществе, то есть практическая реализация его программы. Однако и здесь в теории американского философа существует ряд проблем. Букчин активно критиковал зеленое движение за то, что оно институционализировалось в политические партии, и начало участвовать в государственном управлении общества. По его мнению, это подрывает демократичность зеленых движений. Это полумера, которая служит на благо национальному государству и капиталу, а не изменению общества. Сам он предлагает участие в муниципальных образование с последующим изменением этих образований до уровня самостоятельных ассамблей. Вот только большинство муниципалитетов, так или иначе, контролируются государством. Получается, что активисты либертарного муниципализма тоже участвуют в государственном управлении, которое так сильно презирают. А для того, чтобы изменить муниципальные образования, нужно как раз убедить большинство населения в необходимости изменения, сформировать новую гражданскую культуру. Как её сформировать, если Букчин отвергает любые институты, движения и образования, которые не ведут к свержению национального государства. По его мнению, все, что не приводит к радикализации общественных

движений и институтов служит для государства и капитализма, делая его приемлемым в глазах общественности. Получается замкнутый круг: для того чтобы изменить политическое сознание нужно изменить государственные институты; для того чтобы изменить государственные институты нужно, чтобы большинство людей приняло идею о новых институтах; для того, чтобы люди приняли эту идею, нужно изменить политическое сознание. Важно, чтобы те, кто поддерживает и принимает идеи либертарного муниципализма, работали вместе с людьми, которые борются за справедливость и демократию, даже если те не разделяют их видения будущего общества. Иначе, либертарный муниципализм так и рискует остаться маргинальной теорией, которая не будет реализована на практике из-за догматизма её последователей.

Либертарный муниципализм, таким образом, идет по пути традиционных анархистских течений, которые выродились в сектантские учения. Такие учения стали догматичными, негибкими и в итоге проиграли более адаптивным социалистам и марксистам. Диего де Сантильян в своих работах прямо говорил, что необходимо людям самим решать, как лучше для них построить общество, используя эксперименты и социальное творчество [54]. Либертарный муниципализм, как течение, ориентированное на низовую демократию может стать теоретической основой для таких экспериментов. Так, например, в штате Вермонт Букчин предлагал программу движения к муниципализму через создания кооперативных предприятий и даже небольших индивидуальных предприятий. Создание групп потребителей, поддерживающих такие предприятия и комитетов по охране окружающей среды [10, с.11] В такой программе именно муниципалитеты могут стать наименее практичными элементами.

Муниципалитеты, которые управляются муниципальными ассамблеями, должны стать единственным органом, который принимает реальные политические решения в новом обществе. Но кто будет отвечать за организацию этих муниципальных собраний? Как бы Букчин не отрицал роль администрации и бюрократии, в любой социальной организации требуется администрация.

Например, для того, чтобы формировать проблемные вопросы, которые будут обсуждаться на собрании. Значит, будут существовать граждане ответственные за формирование повестки, в выборе тех положений, по которым будет обсуждение и голосование. Следовательно, административная власть, которую так не любит американский философ, де-факто будет иметь огромное значение и в его институтах.

Судебная власть могла бы контролировать административную, как предлагал Годвин в своих трудах [39]. Однако Букчин не рассматривал судебную власть в своих работах вообще. По его мнению, суды присяжных и комитеты граждан, разрушительны по своей природе, потому что представляют собой систему представительства, а не прямой демократии [50]. Однако, тот же Годвин, предлагал сделать это представительство на основе жребия, тогда каждый бы имел равные возможности для принятия решения, как и в Афинском полисе. Такие комитеты или суды присяжных имели бы право решать, например, конфликты в обществе. Это ещё одна слабая сторона либертарного муниципализма, которая вытекает из идеалистического представления о будущем обществе. Букчин, как и многие анархисты, думал, что если убрать экономическое неравенство, то большинство конфликтов исчезнут, а те, что останутся, могла бы решить сама община. Во-первых, такие конфликты исчезнут не сразу, а, следовательно, необходимо будет их решать. А во-вторых, межличностные конфликты не по поводу экономического неравенства, всегда будут возникать, так как люди в принципе не равны, обладают разными взглядами и подвержены эмоциям. Также, если решения конфликтов будет производиться общим голосованием в ассамблеях, участники конфликта, также будут голосовать на равных основаниях.

Это порождает ещё одну проблему. Существует огромный потенциал для манипуляций этими собраниями. Анархисты любят подчеркивать, что власть развращает. Следовательно, существует опасность, что найдутся люди, которые будут стремиться к победе своей точки зрения на подобных голосованиях ради

укрепления собственного авторитета. Тогда насколько демократичны будут подобные муниципалитеты, которые могут попасть под влияние групп, или харизматичного лидера.

Мюррей Букчин в своих работах, указывает на то, что собрания смогут принимать решения быстро и эффективно даже в чрезвычайных ситуациях. Это звучит неубедительно. В густонаселенном, технологически сложном мире, вряд ли можно будет принимать решения на основе разового собрания. Если в обществе не будет существовать общих законов и общего права, тогда все решения должны будут приниматься в частном порядке. Это слишком перегрузит ассамблеи и займет всё свободное время людей. Букчин, хотя прямо он этого не писал, предполагал, что будет существовать общее право для всей конфедерации, которым должны подчиняться местные муниципалитеты [57, с. 71]. Тогда должен существовать орган на подобии судебного и административного, чтобы контролировать исполнение этого права. Тогда неизбежно, что этот орган будет иметь некоторую долю политической власти. Но это не согласуется с утверждением Букчина о превосходстве собрания. Букчин стоял перед выбором между невозможным и непоследовательным, и так и не смог выбрать.

Самая большая проблема, которая встает перед практикой собраний, это как сохранить эту практику в условиях неудач, с которыми неизбежно столкнутся участники нового общества. Пока новое политическое сознание не будет сформировано, муниципалитеты могут обратиться к старым формам институтов представительной демократии и частной собственности. Вольны ли они это сделать или другие муниципалитеты могут вынудить их отказаться от этого решения? Тогда получается ситуация, когда одни народные собрания принимают решения за других. Это уже не согласуется со свободой муниципалитетов. Традиционные анархисты выступали за свободный выход из коммун и конфедераций, боясь тирании одних для других. Как мы выяснили, автономные общины экономически не целесообразны. Букчин говорил о том, что приверженцы либертарного муниципализма должны убедить других в

целесообразности программы, чтобы сохранить новый строй. Однако разве тогда эти приверженцы не выделятся в отдельную группу, которая станут элитой, «неравными среди равных». Опять противоречие.

2.4.2 Экономическая сфера

Как отмечалась выше, политическая сфера замыкается на политических муниципалитетов. То же самое происходит и в экономической сфере. Букчин рисует в своих работах уже устоявшееся общество с народными ассамблеями и коммунистическим распределением благ среди жителей. Однако мы всегда начинаем в исторически обусловленном контексте. Вполне вероятно, что сообщества (и самоуправляемые предприятия) на начальном этапе не смогут обеспечить всеобщее распределение благ или найдут лучший способ распределения общего блага. Букчин отрицает самоуправляемые кооперативы рабочих на том основании, что они будут отстаивать свои эгоистические интересы в экономической жизни. Муниципализм же позволяет избежать этого. Однако муниципализм может точно также поставить свой интерес выше, чем интересе других общин.

Также подобное отрицание управления рабочих предприятиям порождает конфликт между ними, как рабочими и между ними как гражданами. Букчин предполагал, что муниципалитеты будут управлять фабриками согласно общим интересам, а рабочие будут «просто техническими и консультативными агентствами» [58, с. 87] и не будут принимать политические решения. Таким образом, на голосовании один голос рабочего предприятия, которые является экспертом по общему вопросу, приравнивается к одному голосу гражданина, который может не разбираться в данных вопросах. Букчин стремился избежать власти экспертов, но тогда его система теряет экономическую эффективность и разумность. А что если рабочий принадлежит другому муниципалитету, тогда его голос не учитывается вовсе. Ещё возможна ситуация, когда производство предприятия данного муниципалитета влияет на другие муниципалитеты, однако,

участвовать в деятельности этого предприятия они не могут [51]. Тогда такие вопросы должны выноситься на уровень конфедерации, однако тогда ещё больше людей, которые не осведомлены в данном вопросе будут принимать решения. Проблема теории либертарного муниципализма в том, что муниципалитеты замыкают на себе слишком много функций общества, по сути эта та же централизованная система, только снизу.

Проблема существования других форм собственности, кроме муниципальной прослеживается и дальше. Букчин соглашался, что в начале перехода, возможно существование мелких предприятий, магазинов, лавок вне муниципальной собственности, но затем всё это должно перейти к муниципалитетам. На практике Букчин ошибочно полагал, что любая экономика подразумевает собой конкуренцию, поэтому он хотел заменить всё экономическое политическим. Но сам же философ в своих работах указывал, что существование рынка не эквивалентно существованию общества с преобладанием рынка. Можно различать простое существование рыночных обменов и капитализм – систему экономического господства. Почему бы, например, не создать комитеты производителей и потребителей, которые могли бы контролировать, чтобы экономика оставалась моральной и справедливой? Ответ тут будет таким же, что и в политической части его программы: потому что тогда решения будут приниматься уже вне муниципалитетов.

Либертарный муниципализм подчиняет экономику политической сфере. Другими словами, опасаясь, что экономика будет вытеснять политику, Букчин приходит к предположению, что политика должна вытеснить экономику. Есть ли примеры подобного в истории? Конечно, фашизм и сталинизм характеризует подчинением экономической сферы политической.

Первое, что мы могли заметить, что Букчин хотел ограничить политическую власть рабочих принимать решения, поэтому все должны решать муниципалитеты. Советский вариант подразумевал выработку планов специальным государственным органами для эффективного функционирования

экономики. Конкуренция заменяется планами введенными извне. В советском государстве это была партия, в либертарном муниципализме – это народные ассамблеи. Авторитарность группы людей заменяется авторитарностью всех, дизайн остается такой же. Если экономика будет контролироваться извне, государство станет со времен центральной системой планирования из-за необходимости принимать решения посредством институтов, которые находятся за пределами экономической сферы. Тогда же это потребует, чтобы местные муниципалитеты создавали административные правила для предприятий [64]. Таким образом, муниципалитеты вскоре выродятся в централизованное общество планирования, в противовес децентрализованной демократии, к которой должны стремиться.

Одним из важнейших принципов, которые провозглашал Букчин в своей социальной экологии, был принцип «равенства неравных». Этим принципом он хотел подчеркнуть, что люди и общества разнообразны и не похожи друг на друга, но все они находятся в равно отношении с друг другом. В либертарном муниципализме, он же напротив развивал догматичную и узкую систему социальных, экономических, политических отношений, которая стремится унифицировать всё общество. В своих работах он пытался построить теорию, не показывая, как такая теория могла бы действовать и развиваться. Будут ли муниципальные собрания иметь такое же значение в других регионах мира, кроме Европы и США? Букчин этого вопроса никак не касался. В итоге единственная на данный момент реализация его идей произошла в Сирии, в обществе курдов, которым очень далеко до общества благосостояния, на которое так надеялся Букчин. Если теория либертарного муниципализма должна вдохновлять людей на эксперименты, ей придется ответить на многие вопросы о её эффективности, а не замыкаться в рамках догматической и «единственно верной» теории.

2.5 Достоинства теории Либертарного муниципализма

Не смотря, на все недостатки теория либертарного муниципализма обладает целым рядом достоинств. Букчин был одним из первых, кто обратил внимания на то, что экологические проблемы всё больше волнуют, как общественность, так и государственный структуры. С каждым годом загрязнение окружающей среды всё увеличивается, а экологические проблемы непосредственно влияют на здоровья людей [48]. С конца 60х зеленое движение в Европе набирало популярность, которая позволила стать этому движению политической силой, с которой следует считаться. По всей Европе были образованы партии зеленых, которые в 2004 году объединились, чтобы создать европарламентскую партию «Зелёные – Европейский свободный альянс». Ориентация либертарного муниципализма на экологию делает эту теорию привлекательной для граждан мирового сообщества, которые обеспокоены растущим экологическим кризисом.

Ещё одним преимуществом учения Букчина является то, что в отличие от анархического движения примитивизма и натурализма, которые также обращались к проблемам экологии. Социальная экология и либертарный муниципализм признают прогресс в развитии человечества. Для того чтобы снова гармонизовать отношения человека и природы не нужно отказаться от всех достижений цивилизации и технического прогресс. Решение в самом техническом прогрессе. Современные технологии позволяют сделать технологию более экологичной, а производство более рациональным и эффективным. Также, Букчин справедливо указывает, что при современном подходе капиталистической системы, направленной на бесконечный рост, достичь более экологичного общества невозможно, следовательно, мы должны искать новые пути развития общества и государства.

Также теория либертарного муниципализма имеет преимущество над феминистскими теориями, которые концентрируется лишь на одном аспекте современных проблем, а именно на господстве мужчин над женщинами. Патриархат, по их мнению, основа государственной системы угнетения. Букчин

же в своих работах показывает, что патриархат лишь одна из форм иерархии. Существует и другие: угнетение одних классов другими, угнетение мужчинами других мужчин и т.д. Чтобы покончить с этой системой, нужно бороться против всех видов иерархии, а не концентрироваться на одном, как это делают анархо-феминисты. Либертарный муниципализм, как раз и представляет собой ту теорию, которая раскрывает сущность большинства проблем власти и государства, а не концентрируется на одной из них.

Главная же заслуга Букчина в том, что он увидел растущую важность местного самоуправления в реконструкции общества. Муниципалитеты именно те институты, которые могут изменять политику, а также стать ответом на кризис старого левого движения в Европе [45]. Понятие либертарного муниципализма нашло сторонников в Северной Америке и Европе. Есть несколько примеров, успешного функционирования созданных муниципалитетов в мире. Например, «Камбьямо Мессина дал Бассо» в Италии. Это движение объединило сторонников самоуправяемого города в Мессине. В 2013 они выиграли выборы, став первым гражданско-политическим движением, управляющим крупным городом в Италии. Практика это движения во многом повторяет принципы либертарного муниципализма. Граждане города собираются на собрания в своих районах, где обсуждают проблемы города. За 5 лет этому движению удалось вернуть общественный транспорт в муниципальную собственность и сделать его более доступным, не смотря на экономический кризис. Улучшить экологическую ситуацию в городе, повысив долю переработанного мусора с 5 до 12% [49]. Также в Европе существует движение «Бесстрашные города», которое выступает за реформирование государственной системы на местном уровне, за более экологичное производство, и изменение экополитики в мире. В это движение входит более 100 городов из 40 стран мира [52].

Местное самоуправление расширяет своё влияние не только за счет создание гражданско-политических движений, но и за счет того, что государство ещё больше делегирует полномочия в местные органы власти. Так в скандинавских

странах муниципалитеты обладают широкими полномочиями в проведении политики на местном уровне. Так в Норвегии муниципалитеты занимаются планированием на местном уровне в области сельского хозяйства, строительства, защиты окружающей среды; содействует развитию бизнеса, занимаются вопросами образования в школах и социальным обслуживанием. Там создано 429 муниципалитетов, в половине из которых население составляет менее 5000 человек [21]. Подобные реформы проводятся и в Германии, во Франции. Главная проблема этих реформ в том, что муниципалитеты по-прежнему слишком сильно зависят от государственной власти, поэтому их политика остается по большей степени под контролем государственных институтов. Это снижает эффективность муниципалитетов, и не дает развиваться в нечто большее: в общества, построенные на принципах прямой демократии.

В других регионах планеты движения за самоуправление также набирают популярность. Латинской Америке гражданское движение *Cidade que Queremos* набрало больше голосов, чем любая политическая партия на городских выборах в нескольких крупных городах Бразилии и Аргентины [52]. Таким образом, муниципальные движения в мире набирают популярность, тогда как доверие к традиционным политическим институтам уменьшается [34]. В мире существует потребность в демократических и действительно общинных формах взаимозависимости. Либертарный муниципализм может стать ответом на эти потребности. Теория дает теоретические и практические рекомендации по организации муниципалитетов. Главное, чтобы сторонники либертарного муниципализма избегали крайних взглядов своей теории, пытались улучшить её и искали ответы вместе с другими концепциями самоуправления, а не критиковали их за недостаточную радикальность.

Выводы по разделу два:

Либертарный муниципализм – это теория, основанная американским философом Мюрреем Букчиным в начале 90х гг. Цель либертарного муниципализма построить более демократическое и свободное общество,

основанное на принципах экологизма, неиерархичности, моральной экономики, конфедерализма. В ходе анализа теории либертарного муниципализма и состояние современных муниципальных движений и институтов, мы выяснили, что современное общество имеет потребность в расширении демократического участия населения в политике государства. Людей все больше волнуют проблемы экологической безопасности и гендерного неравенства, которые не могут эффективно решаться в существующей модели взаимодействия общества и государства [34]. Теория либертарного муниципализма касается, как раз этих проблем и могла бы стать теоретической основой для программ множества движения за самоуправление. Однако, проблема этой теории в том, что она слишком заикливаются на муниципалитетах, подчиняя им все экономические и социальные отношения. Она слишком догматична, и отвергает творческий подход к решению проблем, которые встают перед обществом. Также теория либертарного муниципализма настаивает на быстром изменении капиталистического строя ради решения экологического кризиса и более справедливого распределения благ. Такой подход является крайним не практичным, и отвергает большинство движений, которые ратуют за изменение отдельных компонентов капиталистической системы, а не уничтожение сразу всей системы. В ближайшей перспективе, если даже муниципалитеты смогут укреплять свою власть и влиять на государственную политику, это всё равно практически недостижимо, так как необходимо участие всего международного сообщества, а не отдельных стран или городов. Именно поэтому теория либертарного муниципализма воспринимается многими как слишком радикальная и утопичная. Пока теоретики либертарного муниципализма не начнут сотрудничать с современными движениями муниципалитетов, вместе искать компромиссы и сотрудничать в сфере реальной практике, либертарный муниципализм так и останется маргинальной теорией в современном анархическом движении.

3 ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ЛИБЕРТАРНОГО МУНИЦИПАЛИЗМА НА ПРАКТИКЕ

3.1 Практика либертарного коммунализма в Испании (1936–1937 гг.)

В начале XX века в Европе бушевали революции, в которых активное участие принимали анархисты. Так в российской революции анархисты играли ключевую роль, в Италии анархо-синдикалисты принимали активное участие в революции. Однако, страной с наибольшим анархистским движением, оставалась Испания. Испанские анархисты извлекли урок из Российской революции. Они выступали против «авторитарного коммунизма», который сложился в советском государстве. Целью испанских анархистов было построение либертарного коммунизма, а важнейшими идеологами и практиками этого были анархо-синдикалисты. В Национальной конфедерации труда (НКТ), состояла около двух миллионов рабочих, а в Федерации Анархистов Иберии (ФАИ) – несколько сот тысяч человек [33, с. 50]. После начала гражданской войны в 1936 году, анархисты активно начали внедрять свои принципы и институты по всей стране. Это был первый опыт построения безгосударственного общества в масштабах целой страны.

Успешность анархистской революции в Испании определялась внутренними факторами. Как отмечают исследователи: анархо-синдикализм «в силу своей психологии, своего темперамента и своих реакций, самым испанским сектором во всей Испании» [12, с. 97]. Он соответствовал двойственному развитию государства. С одной стороны Испания была слаборазвитой страной, в которой преобладала сельская жизнь с её общинами и коллективизмом. С другой в крупных городах уже был сформирован класс пролетариата, порожденный индустриализацией. Как пишет Букчин, этот класс соединил в себе общинный характер деревни, и антагонистский характер пролетариата [59]. Оригинальность испанского анархизма заключалась в симбиозе двух тенденций: смеси пасторализма (ухода в прошлое) и футуризма. Так об этом писал немецкий исследователь Й.

Хельвеге: «Муниципия, испанское пуэбло, как почти автаркическая, автономная общественная единица, в которой могли стихийно создаваться институты и механизмы самоуправления, была реальностью до тех пор, пока с ростом бюрократизация мира в эту идиллию не вмешалось государство во всем его всемогуществе и со всеми его слугами и не начало ее разрушать. Организационный талант и склонность испанского населения к самоуправлению проявлялись в точных, детально разработанных правилах, по которым регулировались споры, занимались должности в братствах, осуществлялись совместные работы пуэбло по расчистке, обработке и охране участков общинной земли, наконец, распределялся между членами общины на общих собраниях полученный урожай. Именно в этих коллективных психологических настроениях и в опыте, который местами... мог уже давно отойти в прошлое, следует искать корни хилиастическо-анархистских движений» [43, с. 2]

Неправильно, однако, думать, что анархизм распространялся сам собой. Для этого много сделали испанские анархисты, которое десятилетиями не только распространяли свои идеи, но и повышали грамотность населения на деревне. После начала революции они также начали создавать советы рабочих на предприятиях, и советы крестьян в деревне. Также в Испании сложился двойное направление анархизма: коммунитаризм и синдикализм. Коммунитаризм преобладал в сельской местности и имел сепаратистский характер. Синдикализм был городским, и носил более интеграционный характер. Коммунитаристы, следуя Кропоткинским идеями, считали, что основой общества должна быть свободна коммуна, максимально автономная и самообеспечивающаяся. Синдикалисты предполагали, что после уничтожения частной собственности, вся собственность перейдет в руки ассоциированных синдикатов (профсоюзов). Они уделяли большое внимание развитию экономики, как единого комплекса.

В итоге в мае 1936 года была принята «Концепция либертарного муниципализма», которая синтезировала идеи обоих положений. Она предполагала, что после социальной революции сразу установится либертарный

коммунизм без переходного периода [44]. Свободное общество строилось на основе двойных организаций – территориальных (вольные коммуны) и отраслевых (синдикаты). Экономика основывалась на децентрализованном планировании снизу. В её основе лежало статистическое определение потребностей и производственных возможностей. Деньги отменялись и заменялись карточками производителя и потребителя. Государство упразднялось, вместо него создавалась федерация.

3.1.1 Синдикалистская экономика

После революции многие собственники предприятий сбежали из страны, поэтому предприятия согласно сарагосской программе коллективизировались. Другие предприятия коллективизировались силой. После того, как рабочие захватывали власть, они выбирали комитет из 12 человек. Сюда входили администраторы, инженеры, техники и представители цехов, иногда включались также представители НКТ. Совет должен был согласовывать интересы разных групп предприятия. Некоторые предприятия, чаще всего американские и английские, оставались в частных руках, так как новая власть боялась вступать в конфликт с их правительствами в условиях гражданской войны.

Главный управляющий орган на фабрике – рабочее собрание. На первоначальном этапе в рабочих ассамблеях царил хаос из-за недостатка опыта самоуправления. Профсоюзам приходилось брать управление в свои руки, используя своих представителей в собрании. Вскоре ассамблеи стали играть большую роль в управлении фабриками. Рабочие высказывали пожелания и идеи, которые обрабатывались лидерскими группами (представители профсоюза). Сами же рабочие были довольны ситуацией, когда могли свободно выражать свои мысли, чувствовать обратную связь с руководством.

Еще одним успехом стала то, что прибыли теперь разделялась только между рабочими без участия собственника. Это сыграло огромную мотивационную роль в стимулировании к работе. На местах стала создаваться новая коллективная

этика, при которой недисциплинированность одного рабочего сказывалась на коллективе. Нарушений стало намного меньше, чем было раньше, так как коллективное сознание всё больше воздействовало на работников [43] Были в этом и минусы, так как индивидуальные права рабочих теряли всякое значение. Такая ситуация вела к деспотизму коллектива, вместо деспотизма собственника.

Рабочие советы переизбирались раз в год. Позже на заседаниях стали обязательно присутствовать представители нового правительства, а управляющие назначались сверху (иногда ими становились старые владельцы фабрики). Однако ассамблеи по-прежнему могли смещать управляющего, и главенствующую роль играли советы.

По мере раскола в НКТ на два направления: коммунитарное и синдикалистское, всё острее чувствовался кризис в экономической сфере. Сторонники первого направления пытались социализировать предприятия, и включить в их общую систему экономического регулирования. Предприятия сопротивлялись, настаивая на старых методах управления, которые больше отражали интересы рабочих. Де Сантильян говорил о том, что необходим постепенный переход от синдикалистских форм к коммунистическим. Он справедливо опасался, что при ещё слабом развитии самоуправления, вхождение в общую систему подконтрольную НКТ и правительству приведет к регулированию сверху вниз и централизации системы. В итоге так и произошло. В условиях военного времени, правительство всё больше регулировало производство и подчиняло себе предприятия.

В этом отношении интересно проследить, как менялись цифры производства по мере реформирования экономических отношений. «Металлообработка и машиностроение, от которых зависело поступление на фронт отечественных вооружений, росли до апреля 1937 г., то есть именно в период лидерства анархо-синдикалистов в регионе» [65, с. 111]. После же 1937 года этот показатель стал постепенно снижаться и совпал с национализацией экономики. Таким образом, синдикалистские предприятия были более эффективны, чем

национализированные. Однако замена самоуправления государственным самоконтролем была не только вызвана политическими мотивами.

В начале революции после коллективизации, казалось, что с капиталистической системой будет покончено. Однако, по мере укрепления производства, предприятия начинали конкурировать друг с другом за сырье и потребителей. В этой конкуренции одни фабрики были эффективнее других, одни стали накапливать богатства и соответственно рабочие на этих предприятиях получали больше чем на других. Это создавало неравенство среди рабочих. НКТ пытался регулировать доходы предприятий и отдавать излишки более доходных менее доходным, но встречали сопротивление рабочих, которые не хотели «кормить лодырей» [43, с. 15]. Это также послужило причиной того, что предприятия стали контролироваться сверху, а распределение происходило согласно общим потребностям.

В конце концов, был создан Экономический совет, в котором состояли синдикаты разных отраслей. В его функции входила организация внешней торговли, коллективизация оставшихся предприятий и земельной собственности, регулирование производства и т.д. [44]. После этого был создан Конфедеративный орган экономического регулирования. Испания делилась на регионы, в которых существовали синдикаты различных отраслей. На предприятиях также существовали комитеты, которые выбирали представителей на пленумы региональных синдикатов. Региональные федерации из представителей всех синдикатов регионы формировали советы по экономике и статистике, которые устанавливали нормы производства, техническую организацию, распределения труда и благ. Таким образом, была сформирована двойственная система, которая включала в себя, как элементы синдикализма, так и элементы коммуитаризма.

Главная ошибка новой системы была в том, что она стремилась коллективизировать все формы собственности. Мелкие ремесленные предприятия, парикмахерские, булочные – во всем этом НКТ видело остатки

капиталистической системы, которые необходимо уничтожить. Каков был результат? «Все те мелкие собственники, которые по своей воле поддержали борьбу против фашизма, повернулись против нас» [65, с. 54]. В целом же смешанная система в экономике работала эффективно. Производство росло, а рабочие стали получать больше, чем получали раньше, улучшилась система здравоохранения, социальных выплат. Хотя испанским анархистом, так и не удалось перейти к либертарному муниципализму, опыт показал, что предприятия, основанные на самоуправлении, могли эффективно функционировать даже в условиях войны. Но опыт был очень короткий, так как уже в 1938 в НКТ победили сторонники государственного коммунизма, навязанного советской Россией и все предприятия были поставлены под контроль правительства.

3.1.2 Коллективизация в сельском хозяйстве

Коллективизация также происходила и в сельском хозяйстве. По замыслу анархо-синдикалистов с разрушением капиталистической системы и частного хозяйства, коллективы рационализируют производство, и у крестьян освободится время для образования и культурного развития. Как и в случае с предприятиями, собственники земли сбегали, а их землю коллективизировали крестьяне. Коллективизация проходила совместными усилиями НКТ и крестьянского союза. Большинство коллективов управлялись анархистами, однако многие коллективистские союзы были социалистические. Коллективизация охватывала не все хозяйства, но большую их часть: около 70%. Частные хозяйства могли принадлежать отдельным собственникам, однако этим собственником запрещалось нанимать рабочую силу, а их участок был ограничен возможностью обработки его этим собственником и его семьей [43]. Позже индивидуальные хозяйства под давлением НКТ и правительства были исключены из коммун, и не могли пользоваться их услугами. На практике получалось, что общество вернулось к исторически сложившейся в этих местах общине, до того, как она была экспроприрована капитализмом.

Имущество после коллективизация становилось общее, работа была совместная. Также как и на предприятиях существовали народные собрания, на которых принимались важные решения: «от строительства школ до определения хлебных рационов» [65, с. 58]. Народные собрания избирали административную комиссию, которая наделялась административной функцией. Она должна была собирать собрания, для решения важнейших вопросов. Члены комиссии руководили текущей работой коллективов. Крестьянин формально был свободен в выполнении своей работы, однако, если он давал согласие, то должен был выполнить поручение комиссии. Практически, как и на предприятиях, общая воля коллектива была выше индивидуальной воли работника.

В крестьянских коммунах деньги были отменены, а распределение осуществлялось согласно коммунистической формуле: «Каждому по потребностям». Крестьянам бесплатно раздавали хлеб, мясо, масло и даже вино. Ограничение потребления обеспечивалось моральным давлением коллектива. Однако, вскоре, такая модель столкнулась с проблемами. Так крестьяне выбрасывали, потому что на следующий день могли получить новый [65]. В 1937 году коллективы стали вводить карточки, которые обменивались на продукты. Также некоторые коллективы стали выплачивать деньги свои работникам, чтобы те могли удовлетворять нужды, которые выходили за рамки общедоступного минимума. Каждая коммуна вводила свои деньги, что ещё больше запутывало систему распределения.

Предпринимались попытки полного обобществления собственности. Однако, на практике эти реформы, как в городе, сталкивались с интересами коллективов, которые были более успешны, чем другие. На примере Испании можно увидеть, что модель коммунистической экономики Кропоткина, где работники добровольно обмениваются товарами, и раздают излишки – не работала. Более зажиточные коллективы не хотели кормить, своих более бедных соседей. Самоуправляющиеся коллективы тяготели к обмену на условиях рынка. Поэтому сельскохозяйственный сектор экономики также координировался сверху

Федерация коллективов Арагона. Федерация регулировала товарообмен, перемещала рабочую силу, перераспределяла излишки, вела культурно-просветительскую работу. В Федерации существовали секции по связям с промышленностью, и внешней торговли. Всего в Федерации принимало участие 600 делегатов от 300 тысяч человек [44].

Коллективы поставляли в города около половины зерна, которое шло на экспорт. Сложно однозначно судить об экономической выгоде коллективов, так как в условиях войны большая часть продукции уходила на нужды войны. В целом уровень жизни крестьян вырос, но не значительно, однако социально уязвимые слои за счет коммунистического распределения стали жить лучше. Также значительно повысился уровень образования и культуры в деревне. Заслуга в этом была просветительской программы анархистов и более свободном графике жизни крестьян. Упал уровень преступности, коллективы активно применяли практику выбора шерифа. В целом же это было связано с тем, что коллектив регулировал действия своих граждан.

В 1937 году коллективы были подвергнуты жесткой централизации, как и предприятия в городе. Хотя в деревне самоуправление оставалось вплоть до конца гражданской войны. Крестьяне даже выходили на защиту своих прав против тех, кто должны были их поддерживать.

Опыт коллективизации в Испании, во многом отличался от опыта коллективизации СССР. В Испании система строилась снизу вверх, и общины играли очень важную роль вплоть до победы Франко. Не смотря, на то, что система подверглась централизации, общины сохраняли свою автономию. Это позволяло производить эксперименты на местах, коллективы могли пробовать разные способы взаимодействия, как внутри коммун, так и между коммунами. Система могла подстраиваться под обстоятельства, искать эффективные средства решения проблем. Общинам так и не удалось решить лучший способ распределения благ. Коммунистический способ встречал сопротивление экономически более развитых коммун, а синдикалистский способ превращал

коммуны в конкурирующие сообщества. Это в итоге приводило к восстановлению рынка и капитализма. В целом же коллективы справлялись со своей ролью: продовольственная проблема была решена, как в городах, так и на фронте. Также, не смотря на угрозу войны, коммунарам удалось создать новое демократическое общество, основанное на ценностях старой испанской общины.

Конец Испанско анархистской революции произошел ещё до победы Франко. Внутренняя борьба между анархистами и коммунистами, поддерживаемыми Сталиным, была выиграна последними. В НКГ стали вступать мелкие собственники, торговцы и чиновники, которые были против социализации предприятий. Коммуны были подвергнуты репрессиям, а крестьян даже заставляли оформлять землю в индивидуальную собственность, пока не правительство не осознало гибельность этой реформы. Революция из анархистской и народной, превратилась просто в антифашистскую. Главная ошибка анархистов в политической сфере стала то, что захватив власть, они решили её сохранить, вместо того, чтобы уничтожить. Букчин писал, что революция перестала быть радикальной и поэтому потерпела поражение [59]. С другой стороны в условиях войны против фашистов, анархисты хотели сформировать общий фронт борьбы, объединившись и со сторонниками буржуазной революции и мелкими собственниками. Однако перегибы в коллективизации позже привели мелких собственников в оппозицию. Случай Испании убедительно доказал, что построение либертарного коммуитаризма на практике сталкивается с целым рядом проблем, которые трудно решить в теории. Как сильно должно радикализироваться общество, чтобы не вернуться назад к старому устройству? Как сделать это так, чтобы удовлетворить интересы большинства? Следует учесть, что Испания производила свой переход в условиях войны, что делало поиск оптимальных решений ещё сложнее, а на исправление ошибок почти не было времени. Опыт Испании показал, что при переходе к новому обществу нужны лидеры, тот самый революционный авангард, о котором писал Бакунин и Маркс. Как бы ни была велика опасность, что в будущем революционная группа

узурпируют власть в будущем, без неё инициативу перехватят другие группы. Есть и другой путь, когда большинство общества с общего согласия решают создать новое общество. Однако, как писалось во второй главе, подобный путь практически невозможен, так как необходимо изменить политическое сознание населения. Без доступа к системам образования и культуры, это сделать практически невозможно.

Что же касается непосредственно построения либертарного муниципализма с самоуправляемыми сообществами, то опыт Испании показал, что это возможно. Здесь следует заметить, что теория самоуправления очень согласовалась с практикой самостоятельных общин, которые долгое время существовали в Испании. Самоуправляемые коллективы в промышленном производстве и сельском хозяйстве показали, что могут эффективно работать в новой экономической системе. Рабочие получили реальный контроль над производством, и могли влиять на решения своих фабрик. Конечно, самоуправление требовало создания комитетов, административных органов, общетраслевых профсоюзов. Синдикалистская модель сильно отличалась от государственно-социалистической и капиталистической модели. Одной из её ценностей было, что в ней реально учитывались запросы большинства рабочих. Так, например, кризис сбыта приводил не к безработице, а к уменьшению рабочего дня, в которое рабочие могли получать образования, повышать культурный уровень. Коллективистская система распределения позволяла им, получать необходимый прожиточный минимум. Однако следует отметить и негативные моменты экономической модели Испании. Так коллективизация иногда производилась насильственными методами. Иногда физическим насилием, но чаще всего моральным давлением. Личность оказывалась беззащитной перед волей коллектива. Это поднимает важный вопрос перед теорией либертарного муниципализма. Букчин опасался тирании консенсуса, однако, как показала практика, достаточно и тирании большинства, чтобы личность лишалась части своих свобод.

Ещё один вывод испанской революции: построение управления общества только на принципе народных ассамблей неэффективен. Во-первых, изначально люди не готовы к самоуправлению. Как показала практика рабочие не могли принимать решения совместно, им требовались лидеры, те, кто понимал, как управлять производством. Во-вторых, комитеты, выборные органы всё равно должны существовать, чтобы контролировать повседневную работу в коллективе. Букчин отрицал создания других органов в муниципалитетах, но тогда решения скорей всего принимались бы куда дольше, и куда менее эффективно. Также в ходе Испанской революции, так и не удалось решить дилемму распределения благ. Де Сантьян был прав, что на начальном этапе невозможно сразу же установить коммунистический принцип распределения товаров, необходимы эксперименты, практика. Наконец, необходимо создать более развитое экономическое общество. В тоже время прав был Букчин, говоря о том, что коллективы на производстве склонны конкурировать между собой, что ведет к восстановлению капитализма. На этот вопрос по-прежнему нет ответа, как в теории либертарного муниципализма, так в других теориях современного анархизма. Только решив его, теория либертарного муниципализма (или любая другая теория) сможет стать по-настоящему законченной и занять место в идеологии общественных движений.

3.2 Практика либертарного муниципализма в Демократической Федерации Северной Сирии (2014–2018)

3.2.1 Предыстория создания Демократической Федерации Северной Сирии

Курдистан – это географическое название региона, где сходятся восточные предгорья Таврского хребта и северные отроги гор Загрос [37]. В переводе с персидского языка значит «страна курдов». Курды являются самым большим разделенным народом мира, не имеющим собственную государственность. Они проживают на территории четырех стран: Турции (Северный Курдистан), Ирака

(Южный Курдистан), Ирана (Восточный Курдистан) и Сирии (Западный Курдистан). Курдистан – регион стратегической важности, потому что по его территории протекают реки Ефрат и Тигр, которые снабжают Ирак и Сирию, также на территории Сирийского и Иракского Курдистана расположены запасы нефти [37]. После того как в Сирии началась гражданская война, к этому региону приковано внимание всего мира. Пока в Сирии идет война с ИГИЛ с одной стороны, и с режимом Асада с другой в Западном Курдистане (Рожава), курды пытаются построить новое общество, основанное на теории либертарного муниципализма и прямой демократии.

Сирия долго время была французской колонией. Как и в любой колонии, колонизаторы проводили политику «разделяй и властвуй». Так французы наделяли привилегиям алавитов и друзов. Франция надеялась разделить Сирию по конфессиональному признаку [63]. Последствием такой политики стало панарабское националистическое движение. Французы стремились использовать курдское движение против панарабского повстанческого движения. Это породило конфликты между курдским меньшинством и арабским большинством, которые так и не были решены. Исключение курдов из политической жизни, стало причиной создания курдской националистической партии Эль Парти [37, с.46]. Большинство современных курдских партий берут своё начало в этой партии.

После второй мировой войны панарабизм усилился. Был запрещён курдский язык. Курды из Рожавы насильственно переселялись из Сирии в Турцию или другие регионы. В 1963 году власть в Сирии захватила партия Баас, а в 1970 году внутри произошел военный переворот, который возглавил Хафез аль-Асад. Примерно в этом же время сформировалась основная политика правящего режима по курдскому вопросу. Она заключалась в изгнании курдского населения в Турцию, замена курдского духовенства арабами, расселение арабов в курдском регионе вдоль турецкой границе. Один из разработчиков этой программы говорил: «Курдский вопрос, особенно, теперь, когда курды организуются – это просто раковая опухоль, которая развивалась и поддерживалась в теле арабской

нации. Единственное, что мы можем сделать с ней – это вырезать её» [63, с. 474]. Реализация программы «решения курдского вопроса» привела к земельной реформе в Рожаве. Так всю землю, которой владели курды – изъяли, а на её месте построили сотни деревень, расселив там арабское население. Также в тюрьмах страны содержались тысячи курдских политзаключенных.

Курдское освободительное движение стало ответом на растущее угнетение правящих режимов в Турции и Сирии. В 1978 году была создана Рабочая партия Курдистана, которая и стала идеологом всех изменений, которые происходят в Западном Курдистане. Её основатель Абдулла Оджалана стал легендарной фигурой в курдском освободительном движении. Именно он прекратил вооруженную борьбу против турецкого правящего режима. Вдохновившись теорией либертарного муниципализма М. Букчина, Оджалана предложил проект Демократической Конфедерации, и создание автономии курдов на территории Турции. Особую роль, как и Букчин, Оджалана отводил местным собраниям и советам. Также он активно продвигал идею освобождения женщин, как залог успешности демократического движения на Ближнем Востоке [25].

Таким образом, проект радикальной демократии, предложенный Оджаланом имеет три главные составляющие; антинационализм, антигосударственность и гендерное освобождение [25, с. 26]. Вместо централизованного национального государства, курдский философ ставит децентрализованные региональные советы. Многие элементы подобной структуры вводились и Северном Курдистане, однако там они встретили огромное противодействие турецких властей.

В 90е годы репрессии против РПК усилились настолько, что она не смогла больше действовать. Партия ушла в подполье и была вынуждена действовать тайно. В этот же момент активизировалось женское движение, так как репрессии были, прежде всего, направлены на мужское курдское население. Женское движение стало одной из основных причин выживания курдского освободительного движения в эти годы [8].

В 2003 году была создана левая Партия демократического единства (PYD), которая переняла у РПК идеи прямой демократии, и построении демократической конфедерации. Следует сказать, что противниками нового либертарного движения были не только правящие режимы Сирии и Турции, но и другие курдские партии. Например, ДПК (демократическая партия Курдистана) из Ирака.

В 2010 в Тунисе и Египте начались народные волнения, которые позже переросли в революции в результате, которых были свергнуты правящие режимы этих стран. Эти события, известные как Арабская весна, дали начало сирийским протестам в соседней Сирии, которые позже переросли в гражданскую войну. В июле бывшие военные создали Свободную Сирийскую Армию (ССА), как вооруженное крыло сирийской оппозиции. Охватившая Сирию война, вынудила правительственные войска покинуть практически все районы проживания курдов, что создало вакуум власти. Курдское движение, состоящие из молодежных организаций и партии PYD (Партия демократического единства) сформировала следующие цели: 1. Не допускать нападения на Сирию извне; 2. Избегать вооруженной борьбы; 3. Искать решения через диалог и союз с другими оппозиционными силами [37].

Борьба с ИГИЛ сплотила курдский народ и в результате на территории Северной Сирии получили распространение советы самоуправления. Единственной партией, поддержавшей народное движение по самоуправлению, была PYD, которая все эти годы активно сотрудничала с активистами, выступавшими за демократизацию Западного Курдистана. В 2011 году был создан НСЗК (Народный Совет Западного Курдистана) и было решено, что лучший проект для Западного Курдистана и Сирии – это автономия. Были проведены выборы, по которым в народный совет было избрано триста человек [60].

НСЗК находится в изоляции. СНС (Сирийский национальный совет), который был создан в Турции, не признаёт децентрализацию Сирии. Главную роль в нем играют Братья-мусульмане, которые активно спонсируются Сирией. СНС даже

отрицает роль курдов в будущем переустройстве Сирии. Режим Асада также настороженно относится к автономии Западного Курдистана. В силу общей борьбы с ИГИЛ правительство сотрудничает с НСКЗ и её отрядами самообороны (YPG и YPJ), но продолжится ли это сотрудничество после войны, большой вопрос.

Также в 2011 году был создан ENKS (курдский национальный совет в Сирии), в который вошли PYD и ДПК-С (отделение ДПК в Сирии). У PYD и ENKS есть общие интересы предотвратить раскол курдов в стране, а ДПК-С в свою очередь понимает, что обладает, куда меньшим влиянием в Западном Курдистане, чем PYD, поэтому вынуждена сотрудничать со своими соперниками. Было заключено Хаулерское соглашение, по которому ENKS становился высшей властью в Рожаве [37, с. 89]

На данный момент Демократическая Федерация Северной Сирии разделена на три кантона: Африн, Кобани и Джазира. Вместе они подписали хартию Общественного договора кантонов Рожавы. В каждом кантоне действуют окружные народные советы, которые формируются из делегатов от города. На многих территориях Северной Сирии по-прежнему идут военные действия против ИГИЛ, и против Турецкой армии, которая в 2017 году начал операцию в Западном Курдистане. Не смотря, на всё это, курды пытаются построить новое общество, основанное на прямой демократии, гендерном равенстве и конфедерализме.

3.2.2 Прямая демократия в Демократической Федерации Северной Сирии

Система прямой демократии в Западном Курдистане делится на 4 уровня, устроенных как пирамида снизу вверх:

1. Базовый уровень – это коммуна. В городах в коммуны входит обычно от 30 до 150 домохозяйств, в сельской местности – вся деревня. Крупные города могут состоять из более чем 400 домохозяйств.
2. Следующий уровень – совет района (в городах) и совет сельского сообщества. Сельское сообщество включает в себя 7–10 деревень

3. Совет округа, включающий в себя город целиком и прилегающую к нему территорию.

4. Самый высший уровень – Народный Совет Западного Курдистана (НСЗК), объединяющий все окружные советы [37, с. 140].

Помимо этих четырех уровне на каждом уровне действуют несколько комитетов, в которых и идет основная работа по решению проблем. Отдельно следует сказать про женские комитеты (советы). Женские советы действует отдельно от смешанных советов, начиная со второго уровня. Разные уровни советов связаны друг с другом также и другие советы. Женские советы формируют свои органы правосудия, чтобы расследовать преступления против женщин, также они формируют свои комитеты, чтобы работать наравне с обычными комитетами [8].

Комитеты обороны также представлены на всех четырех уровнях и работает в сотрудничестве с Асайш (полиция). Они борются с преступниками. Комитеты тесно сотрудничают с YPG (народная самооборона), однако это независимые структуры. Комитеты представлены местными жителями, тогда как в YPG главную роль играют командиры, которые, однако, подчинены советам районов.

Помимо комитета обороны существуют отряды самообороны YPG (мужские отряды), YPG (женские отряды). Командиров отрядов выбирают на общих собраниях совета, и сами они подотчетны советам, хотя имеют некоторую степень автономии. Раньше вступление в отряды самообороны было добровольным, но после ухудшения ситуации в 2014 году был введен обязательный призыв.

Экономические комитеты проверяют, чтобы у каждой семьи были средства к существованию, возможность поддержать себя. Экономические комитеты отвечают за торговлю, строительство, сельское хозяйство, снабжение, и управление общественными предприятиями. Они собирают пожертвования, которые используют на создание кооперативов, восстановление инфраструктуры и т.д.

Политический комитет действует на уровне округа. Они сотрудничают с партиями на уровне НСКЗ, и другими политическими движениями. Также они контролируют коммунальные и муниципальные администрации.

Комитеты гражданского общества организуют мелкую торговлю, кооперативы и мастерские. Наниматели и наемные работники (предприятия с менее 15 человек) сотрудничают в комитете, решая спорные вопросы.

Комитеты свободного общества включают в себя семьи мучеников, студентов и работников с крупных предприятий.

Комитеты мира и согласия – представляют собой систему правосудия Западного Курдистана. Они стараются разрешить конфликты посредством достижения консенсуса. Комитеты мира и согласия действуют на уровне коммуны и совета района [37, с. 220]. Они не занимаются убийствами и тяжкими преступлениями. Так же, как было сказано выше, случаи преступлений в отношении женщин рассматривают женские комитеты правосудия. Следующий уровень это народные суды. Судьи выбираются из комитетов мира и согласия. На этих двух уровнях судьями могут стать любые граждане независимо от их образования. В более высших инстанциях (апелляционные суды, или региональные суды) судьями могут становиться лишь люди с соответствующим образованием. Высший судебный орган – это парламент юстиции, в который входит три представителя министерства юстиции, одиннадцать из комитетов правосудия, семь из конституционного суда и три из коллегии адвокатов. Парламент юстиции рассматривает технические и административные вопросы, связанные с осуществлением правосудия [6]. Также парламент юстиции пытается совместить старые сирийские законы с новыми, которые вступили в силу после принятия общественного договора.

Комитеты по идеологии отвечают за политическое образование в школах и коммунах. Они также служат площадкой для сотрудничества представителей прессы, культуры, искусства.

Также существуют комитеты здравоохранения, которые находятся вне системы комитетов. Представители этих комитетов врачи, медсестры и другие работники медицинского обслуживания. Они формируют свою систему комитетов, которая сотрудничает с Tev-Dem. Это связано с тем, что многие врачи по-прежнему работают в государственных больницах, которые сохранились на территориях, контролируемых правящим режимом. Так они остаются вне политической системы, и могут помогать всем независимо от политических убеждений.

Основная работа идет, как раз в комитетах. В каждом комитете помимо выбранных членов могут участвовать все желающие: предлагать, советовать. На общих собраниях коммун обсуждаются проблемы, которые затем пытаются решить комитеты. Например, экономический комитет могут работать над проблемой приобретения генераторов для обеспечения жителей коммун электричеством [37]. Если проблему не удалось решить, она снова возвращается на обсуждение коммуны. Комитеты по идеологии, например, ведут каждодневные семинары, рассказывая о выгоде самоуправления. Также активисты ходят по домам, приглашая всех на собрание коммуны.

Коммуна – это фундаментальная единица системы советов. Ежемесячно все населения коммуны собирается на собрание, где обсуждаются вопросы, связанные с деятельностью на территории коммуны (коммунальной, оборонной, образовательной и т.д.). Там же выбирают совет коммуны, который имеет административные и координирующие функции. Совет коммуны состоит из двух сопредседателей одной женщины и одного мужчины, и представителей от каждого комитета, речь о которых пойдём ниже. В совет могут быть избран любой житель коммуны от 18 до 65 лет. Также в совете действует гендерная квота 40% [62, с. 54]. Как мы было сказано выше, освобождение женщин один из главных приоритетов революции в Рожаве. Для этого каждая должность дублируется. Одну должность занимает женщина, а другую мужчина. Это сделано для того, чтобы женщины, воспитанные в патриархальной среде активнее

включались в процесс строительства нового общества. Совет руководителей собирается еженедельно. На собрание может прийти любой житель, высказать свои пожелания или критику, внести предложение. Людей избранных в совет можно отозвать, если они, на взгляд коммуны, не удовлетворяют требованиям людей. На практике такие случаи очень редки, но возможны.

Помимо коммун в Рожаве продолжают действовать муниципалитеты. После революции муниципальные чиновники сохранили свои места, но их полномочия были ограничены. Была введена двойная система руководства. Руководители избираются теперь в районных советах, а служащие проводят регулярные встречи, где обсуждают планы предложенные коммунами и советами [37]. Система доказал свою эффективность. Так в 2012 году удалось решить проблему вывоза мусора. Сначала за счет привлечения молодежного движения и общего участия граждан, а затем за счет заключения контрактов по вывозу мусора. В 2013 была решена проблема с отоплением региона. Удалось восстановить переработку нефти в дизель. В 2014 году в нескольких районах были созданы первый парки [2]. Эти примеры доказывают, что местная система самоуправления способна решать, возникающие перед ними задачи и без участия государства за счет вовлеченности большей части населения, и выработке коллективных решений.

Второй уровень системы – это совет района/сельского сообщества. Коммуна представлена в совет через свой совет руководителей. Совет района формирует пленум районного совета, по такой же методике, как и коммуна. На этом же этапе руководители формируют комитеты уже более высокого уровня, чем комитеты коммун. Разница второго уровня системы в том, что избирается два пленума районного совета один женский, один мужской. Заседают они вместе, однако у женского совета есть свои полномочия: рассматривать преступления против женщин, формировать женские кооперативы, участвовать в просвещении женского населения. Это ещё раз подчеркивает, как много внимания уделяется освобождению женщин в обществе. Заседает районный совет также еженедельно,

в специальном народном доме. Сюда же люди обращаются с просьбами, или жалобами, которые не могут решить на уровне коммун [37].

Третий уровень системы – окружной совет, который состоит из 7–20 районов и сельских сообществ. Советы руководителей районов представляют и сельских обществ представляют свои советы на уровне округа. Здесь также формируются комитеты и избираются сопредседатели. Помимо гендерной квоты на этом уровне действует уже национально-конфессиональная квота. Так в совет руководителей окружного совета должны входить представители арабов, христиан, ассирийцев. Советы руководителей окружного совета называются Tev-Dem (движение за демократическое общество). Все комитеты действуют на этом уровне. На этом уровне в советах представлены также партии, общественные организации. Каждая партия имеет 5 делегатов в окружных советах. На уровне округа Tev-Dem состоит из 20–30 человек [20].

На четвертом уровне представители окружных советов должны собираться в НСКЗ, также на этом уровне действуют комитеты. Однако, с 2013 году из-за постоянных нападений пришлось отменить общие встречи, поэтому этот уровень теперь действует на уровне трёх кантонов. А общее управление происходит дистанционно.

В 2013 году НСКЗ инициировал создания парламента и правительства. Цели создания институтов представительной демократии было несколько. Во-первых, большинство некурдского населения по-прежнему оставались вне власти советов, поэтому необходимо было создать институт, которые бы представлял всё население Рожавы. Во-вторых прямая демократия не нашла поддержки в международном сообществе, как на Ближнем Востоке, так и вне его. Для того чтобы инициировать переговоры с другими странами больше подходили формальные структуры (правительство и парламент). В-третьих, через парламент, в котором могли бы быть представлены все группы населения и все партии, можно было продемонстрировать, как в одном регионе могут мирно сосуществовать разные национальности, конфессии и партии в Сирии [60].

Однако многие партии отказались от участия в процессе прежде всего ДПК, они по-прежнему считают ENKS высшим органом управления в Западном Курдистане.

В 2014 году был подписан договор между тремя кантонами: Африн, Кобани и Джазир. «Управление в трех кантонах должно быть организовано на принципах демократической автономии, которая подразумевает не только децентрализацию, но и демократизацию» [37, с. 167]. По договору было создано временное правительство, в которое вошли по одному человеку из каждого кантона. В каждом кантоне были созданы министерства, в которые вошли представители большинства партий. В правительстве пришлось отказаться от дуальной системы руководства, потому что в большинстве партий недостаточно женщин-активистов. Однако у каждого министра обязательно должно быть два заместителя, один из которых женщина. В Западном Курдистане сейчас работают две параллельные системы. Правительство и парламент с одной стороны, и НСКЗ и система советов с другой. НСКЗ удалось создать систему советов снизу вверх, которые способны самостоятельно принимать решения. С другой стороны существующий парламент и министерства также являются законными, поэтому их желание участвовать в управлении также законно и справедливо. Сейчас в условиях войны система является сплоченной. Большинство проектов, спланированных министерствами, осуществляется активистами НСКЗ, так как они имеют больше влияния. Также ещё не существует общей системы налогообложения, поэтому все финансы поступают в НСКЗ на правах пожертвований, которые затем используются, в том числе на осуществление проектов министерств. В будущем эта «двойственная власть может привести к большим противоречиям» [60].

С начала гражданской войны в Сирии уже прошло 7 лет: с начала создания Демократической Федерации Северной Сирии 4 года. Сейчас уже можно сказать, что система прямой демократии, реализованная в Западном Курдистане, работает. На начальном этапе людям было не понятно, как будет работать система, как

участвовать в самоуправлении, но за счет образовательной работы удалось добиться участия в самоуправлении широких слоев населения. Одна из основных причин такого успеха, что работа по созданию самоуправления велась ещё с 90х гг. За это время PYD и РПК сформировали целое поколение, которое готово работать в комитетах, участвовать в кооперативах. Однако следует отметить, что в основном в самоуправляемых советах и комитетах участвует курдское население, не курдское население же в основном представлено другими меньшинствами: ассирийцами, халдеями. Арабское население по-прежнему предпочитает действовать через формальные институты власти. Это создает напряженность в обществе, именно поэтому был создан парламент и правительство.

Курды Западного Курдистана хотят сделать свой проект привлекательным для всей Сирии, именно поэтому они создали дуальную систему власти и активно привлекают к управлению обществом все национальности. Успехи есть, но они не значительны. Опасение вызывает то, что вся система построена вокруг PYD, другие партии же незначительно влияют на процесс трансформации общества. С одной стороны это рационально, потому что именно PYD продвигает идеи децентрализации и прямой демократии, тогда как другие партии выступают за более традиционные институты представительной демократии. С другой стороны PYD становится главной действующей силой, через неё проходит всё финансирование и вся политическая деятельность. Не приведет ли это к централизации системы в будущем, как это было в Испании в 1938 году?

Если анализировать современное общество Сирийского Курдистана с точки зрения либертарного муниципализма, то можно ещё раз убедиться, что практика сильно отличается от теории. Как и в случае с Испанией, мы видим, что управление обществом невозможно только с помощью одних муниципалитетов и народных ассамблей. Народные ассамблеи лишь поддерживают или наоборот отвергают проекты, создаваемые в других органах управления. Практика советов, безусловно, демократизирует и мобилизует общество, но как единственный

механизм управления обществом она не работает. Комитеты же напротив способны решать проблемы более эффективно. Это опять же противоречит теории Букчина, который видел в разделении обязанностей, корень диктатуры профессионалов, но на практике именно такая система способна эффективно решать проблемы, возникающий перед коммунами, районами, и городами.

Ещё одним отличием от теории является главенствующая роль партии в системе Курдского общества. Букчин отрицал существование партий, так как они подчинены интересам элиты, а не народа. В Западном Курдистане мы видим же ситуацию, когда партия является главным действующим лицом, именно она на начальном этапе формировала советы, продвигала идеи самоуправления среди жителей, без неё подобная система бы не смогла существовать. Практика показывает, что в революции всегда нужна сила, которая способна вести за собой людей, менять их мировоззрения, продвигать идеи нового общества и бороться с идеологическими противниками. Конечно, в Западном Курдистане существует опасность вытеснения всех идеологических противников на периферию политической жизни. Это косвенно подтверждают насильственные действия по отношению к активистам партии ДПК [42], и активная пропаганда идеологии партии (в том числе и в школах). Пока же РYD стремиться сотрудничать со всеми партиями в регионе и строить новое демократическое общество.

Таким образом, прямая демократия в Западном Курдистане это не эфемерная конструкция с реально работающими институтами. Однако отождествлять эту модель общества с либертарным муниципализмом было бы преждевременно. За основу взяты идеи построения демократии снизу вверх с опорой на работу местных советов самоуправления. Другие же компоненты были придуманы Оджаланом, либо выработаны уже на практике.

3.2.3 Новая экономика

Экономическая модель Западного Курдистана во многом повторяет опыт испанских анархистов во времена гражданской войны. Главным идеологом новой экономической системы (как и политической) выступает Оджалан. В своей работе он пишет: «Экономическая система демократической нации будет основываться на необходимости восстановления контроля экономики со стороны общества. Между национальным государством и демократической нацией должно быть как минимум заключено соглашение или решение об экономическом самоуправлении; любое соглашение или решение, которое будет ниже этого уровня, означает капитуляцию и реализацию принципа «исчезни» [25, с. 186].

Курды стремятся построить «народную экономику», в противовес капиталистической экономике и социализму. В ст. 42 общественного договора сказано «Экономическая система провинций должна быть направлена на обеспечение общего благосостояния, в частности финансирование науки и техники. Она должна быть нацелена на обеспечение ежедневных потребностей людей и на обеспечение достойной жизни. Монополии запрещены законом. Должны быть гарантированы трудовые права и устойчивое развитие» [53]. Таким образом, идеи, взятые за основу построения новой модели экономики, согласуются с теорией либертарного муниципализма. Однако, как и в случае с испанскими анархистами, прежде всего за основу взята кооперативная собственность, а не муниципальная.

После начала гражданской войны многие собственники предприятий уехали, так нефтедобывающая промышленность, принадлежащая иностранным компаниям, оказалась заброшена. Все оставшиеся предприятия были поделены между кооперативами рабочих или отданы в распоряжения районным советам. Сейчас в Рожаве действуют около 2700 кооперативов. Кооперативы разделены на смешанные и женские [19]. Таким образом, подчеркивается равная роль женщин в производстве благ. Большинство кооперативов – сельские, так как Западный Курдистан прежде всего сельскохозяйственный регион. Так, например, кантон

Джазира выращивал 70% всей пшеницы в Сирии. Регион Афин производит большую часть оливкового масла в стране [19].

В целом регион до войны считался бедным и направленным, прежде всего на сырьевую и сельскохозяйственную экономику. Земля принадлежала арабам, и частным владельцам. Вся производственная промышленность была перенесена в другие регионы. Это стало проблемой на начальном этапе восстановления экономики. Так приходилось строить мельницы из всех подручных материалов, чтобы получать муку. Однако кооперативы справились. В Западном Курдистане практически отсутствует голод. Экономические комитеты занимаются распространением еды среди малоимущего населения. Остальное продается по ценам, которые устанавливают советы. Так запрещается спекуляция на товарах первой необходимости. На хлеб установлена цена 60 лир, при себестоимости 100 лир [37, с. 184]. Другие товары продаются по себестоимости.

Доходы кооперативов делятся на три части. Около 30% тратится на планируемое производство и новые проекты, 50% распределяются между рабочими, а 20% расходуются на злободневные нужды (электроэнергия, образование, вода). Зарплаты рабочих кооперативов выше, чем были до войны, но в условиях эмбарго и экономической блокады со стороны Турции и Южного Курдистана, товары стоят очень дорого, поэтому денег на всё не хватает. Кооперативы управляются совместно рабочими, экономическими комитетами и народными собраниями. Часть товаров идут на военные нужды. В общем, около 70% ВВП региона идет на военные нужды [37].

В целом кооперативы показывают свою эффективность и успешно справляются с обеспечением самого необходимо. Так удалось наладить производства дизеля для решения энергетической проблемы. Дизель стоит меньше, чем вода (25 центов за литр против 50) [19]. Однако, дизель очень плохого качества, что сказывается на работе генераторов. В условиях блокады построить более технологичное производство не представляется возможным. Также кооперативов удалось решить проблему безработицы. До войны безработица

составляла около 8% в этом регионе, при том, что большая часть населения уезжала на заработки. Сейчас эта цифра около 1% при возросшем населении в результате переселения беженцев [37].

В Западном Курдистане по-прежнему существует частная собственность и частные предприятия. Так богатые землевладельцы, оставшиеся во время войны, по-прежнему владеют своей землёй. Курды отрицают насильственную экспроприацию. Условиями же труда и оплаты у частных землевладельцев занимается комитет гражданского общества. Однако около 70% всех земель сейчас принадлежат кооперативам, также им принадлежит 1/3 всех предприятий.

Главная проблема в экономической сфере – это эмбарго соседних стран. С одной стороны это способствует развитию внутренней экономике. Курды активно пытаются заниматься импортозамещением. Швейные кооперативы шьют одежду, активно производятся стройматериалы. Однако из-за эмбарго кооперативы и советы не получают прибыль, которая могла бы пойти на улучшение производства. Южный Курдистан предпочитает брать пшеницу у других стран в 3–4 раза дороже [7], тогда как в Рожаве пропадают целые тонны зерна. То же самое касается и оливкового масла. Практически заморожена нефтедобыча, прибыль от которой очень сильно могла бы улучшить экономический фон региона. Из-за эмбарго жители Рожавы практически лишены лекарств, а те, что доходят до региона, намного дороже, чем могут себе позволить местные жители. Если Эмбарго не будет снято, то экономическая ситуация будет постепенно ухудшаться.

Экономическая система Западного Курдистана ещё менее походит на экономическую модель либертарного муниципализма. Здесь за основу взяты кооперативы, и распределение происходит скорее согласно коллективистскому принципу, чем коммунистическому. Как и в Испании в 1936 году в Рожаве были сильны крестьянские общины, поэтому переход на кооперативное сельское хозяйство был безболезненным и отвечал традициям общества. Помимо кооперативов существует и частное хозяйство (мелкие торговые магазины,

предприятия). В отличие, от Испанской практики анархисты Рожавы не стремятся уничтожить подобные учреждения, понимая, что индивидуальное предпринимательство благотворно влияет на экономическую ситуацию. Судить же о перспективах экономической модели очень сложно. Что будет с кооперативами, когда война кончится? Смогут ли они выдержать конкуренцию с товарами, которые поступят после снятия эмбарго. Не будут ли кооперативы конкурировать в условиях рынка, как это было в Испании. На сегодняшний день на эти вопросы нет ответа. Ясно одно, что современная экономическая модель в Курдистане вряд ли отвечает вызовам современного общества, в том числе экологическим, от которых так много писал Букчин.

Выводы по разделу три:

Таким образом, мы проанализировали практику построения либертарного общества в Испании и Западном Курдистане. Первое что можно выделывать, то, что и в Испании, и в Рожаве сложились условия, которые предрасполагали общество к построению либертарной модели:

1. Были сильны традиции общин, которые предполагают сильные связи внутри общества и коллективное решение проблем.

2. Идеологическая подготовка населения, задолго до революции. В Испании анархисты занимались пропагандой на протяжении 30 лет, почти столько же РПК пропагандировала свои идеи в Западном Курдистане

3. Сплоченность общества перед внешним врагом. С одной стороны война делает систему прямой демократии неустойчивой и ненадежной, с другой она консолидирует общество. Перед лицом общего врага, люди готовы жертвовать своими интересами ради коллективных, ведь это способствует и их выживанию.

Еще одним условием в Западном Курдистане стало бесклассовое общество. Букчин писал, что для консолидации общества, нужно чтобы оно стало бесклассовым, для этого он предлагал сделать собственность общей. В Рожаве это было сделано правящим режимом, который на протяжении полувека угнетал курдский народ. Таким образом, перед началом революции более 60% всего

курдского общества составляли безземельные крестьяне. Поэтому при создании новой модели, классовые противоречия не играли роли. Это особенно заметно, если сравнивать с Турецким Курдистаном, где у курдов более сильны классовые различия, и где более настороженно относятся к либертарной модели общества.

В этих условиях кроется одной из главных противоречий между теорией и практикой. Букчин полагал, что построение либертарного общества возможно лишь в обществе благосостояния, когда будут удовлетворены основные потребности людей, а главным мотивом должно было стать предотвращение экологической катастрофы. В реальности, либертарное общество строится в условиях войны. Мотивы же построения: создание более справедливого общества для отдельного класса или нации.

Также на практике экономическая модель в таких обществах строится на кооперативной основе, а не на муниципальной. Хотя и эта модель показывает свою ограниченность, так как тяготеет к двум полюсам: либо к национализации экономики государством, либо к рынку и капитализму. Как показывает практика, теория либертарного муниципализма слишком упрощает построение новой модели общества. Она абсолютизирует одни институты, полностью отказываясь от других. Практика Сирийского Курдистана и Испании доказывает, что без разделения полномочий между разными органами, без органов контроля и администрирования система не будет работать. Люди слишком долго жили в других системах, где не выполняли какой-либо политической функции, и переход к модели самоуправления не может осуществиться в одночасье. Всегда будут нужны более активные граждане, лидеры, которые будут брать на себя больше функций, чем другие, по крайней мере, на первом этапе.

Также следует упомянуть, что теория либертарного муниципализма с её принципом гендерного равенства, оказала сильнейшее влияние Сирийский Курдистан. Участие женщин в политической, экономической жизни общества беспрецедентно для Ближнего Востока. Это, действительно, важная победа

курдского женского движения, которая может стать основой для всего Ближнего Востока с его традиционным патриархатом.

В целом же, если брать за основу либертарной теории – построение демократии снизу вверх за счет широкого участия населения в принятии решений – то практика доказывает, что такая система имеет право на существование. Модель прямой демократии может функционировать в обществах, и функционировать довольно эффективно. Правда следует учитывать условия, из которых будет вытекать эта модель. Для разных регионов эти условия будут разные, следовательно, модель должна подстраиваться под них, а не быть одинаковой для всех случаев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теория анархизма, зародившись в конце XVIII века, стала ответом на формирование централизованного, национального государства. Теоретики анархизма стали одними из главных критиков современного им государства, справедливо, указывая на его недостатки: подавление воли граждан; элитарность; несправедливость в распределении благ. Видя, все эти негативные черты, они предположили, что безгосударственное общество будет более справедливым. Бакунин, Кропоткин, Прудон все они пытались в своих работах построить такое общество, в котором люди смогли бы максимально реализовать свои способности, где они смогли получить всё необходимое для своего развития. Однако идеи теоретиков анархистов отличали социальный утопизм, и вера в то, что после падения государственных институтов люди изменятся, и станут способны построить новое общество.

После того, как в начале XX века Европу потрясли революции, анархисты ненадолго получили власть, но не смогли воспользоваться ей, чтобы построить свой вариант общества. Между тем государство после революций, и двух мировых войн изменилось. Благодаря движению социал-демократов, оно стало больше заботиться о социальных нуждах граждан. Экономическая система также претерпела изменения, рабочий класс стал более обеспеченным, а позже уже перестал быть самым большим классом. Казалось, анархические идеи канули в прошлое, перестав быть состоятельными. Однако в 1968 году люди снова заговорили о них. Молодежные выступления в Европе и США обнажили новые проблемы современного государства: милитаризм, антиэкологизм, расовое, гендерное неравенство. Вместе с молодежными движениями вернулась и теория анархизма. Снова стали популярны Бакунин, Прудон, Кропоткин, однако их теории уже не могли дать ответы на современные вызовы, поэтому стали появляться новые теории, которые противостояли современному государству и предлагали решения современных проблем.

Одной из таких теорий стал Либертарный Муниципализм Мюррея Букчина. Американский философ один из первых обратил внимания на глобальную проблему ухудшения экологии в мире. Эта проблема касалась не отдельного класса или государства, она касалась всего мира. Мюррей Букчин не видел способа решения проблемы в современном обществе с его идеологией бесконечного роста. Философ видел корень зла в иерархии, которая сначала заставила одних людей подчиняться другим, а затем человек решил, что должен подчинить себе и природу. Государство и капитализм должны быть уничтожены, а взамен ему должно прийти общество, основанное на прямой демократии и муниципальной экономике.

Букчин подметил современные тенденции о децентрализации государства и увеличения роли местного самоуправления. Он строил свою теорию вокруг муниципалитетов и народных собраний, которые должны были сконструировать новую демократию снизу вверх. Представительную демократию Букчин считал инструментом в руках элиты и правящего класса. Философ опирался на опыт испанских коммун во времена гражданской войны, которым удалось построить анархическое общество, опираясь на коллективы и самоуправление.

Не смотря на всю свою привлекательность теория Букчина не стала популярной ни у зеленых, ни у новых левых. Теория Либертарного муниципализма страдает теми же недугами, что и многие анархистские теории до неё. Она слишком переоценивает роль граждан в самоуправлении. Как показал опыт Испании, людям сложно управлять обществом, если они этого никогда не делали. Также в самоуправляющемся обществе всё равно должны существовать органы, которые смогли бы контролировать его, и выполнять административные функции. Букчин в своих работах слишком абсолютизировал роль муниципалитетов, они должны были выполнять и законодательную, и исполнительную, и судебную функцию. Уничтожив власть государства, Букчин перераспределил все функции его институтов в один институт. Власть коллектива, собрания стала бы абсолютной, подавив власть индивида, личности.

Всплеск интереса к теории Либертарного муниципализма снова произошел, после того как в Сирии была создана Демократическая Федерация Северной Сирии, в которой Демократическая Партия Курдистана (PYD), пытается строить общество на основе теории либертарного муниципализма. Одна из причин такого выбора прагматична: отрицание теорией государства. PYD понимает, что создание отдельного курдского государства встретит сопротивление со стороны большинства стран в Ближнем Восточном регионе, тогда как создание автономии – это тот компромисс на который могут согласиться большинство сторон (исключая Турция). Другая причина это влияние авторитета лидера курдского движения Абдуллы Оджалана, которые пропагандирует идеи либертарного государства и отказа от института государства. Однако при тщательном анализе можно убедиться, что это практика Западного Курдистана (Рожавы) сильно отличается от теории. Во-первых, народные ассамблеи не единственный орган власти в обществе. Основную роль играют комитеты, которые решают проблемы в их сфере деятельности. Во-вторых, экономика Рожавы опирается на самоуправляющиеся коллективы и она далеко не экологична, как предполагал Букчин в своих работах.

Также следует заметить, что Букчин предполагал, что его либертарное общество будет построено в условиях общества изобилия. На практике же либертарное общество сложилось в регионе отсталом в экономическом развитии. В Испании и Западном Курдистане сложились условия, при которых народные ассамблеи стали естественным продолжением общинного устройства жизни. Также обстоятельства войны мобилизовали население, поставив интересы сообщества выше интересов отдельных индивидов и классов. В Европе и США муниципальные движения развиваются в другом русле, постепенно трансформируясь в рамках государств, однако, их цель не свержения института государства вообще, а скорее преобразования его в более децентрализованный институт.

Теория либертарного муниципализма, таким образом, остается маргинальной и не востребованной среди западных левых движений из-за её абсолютизации муниципалитетов, непроработанности экономической теории, и критичности по отношению к другим теориям современного анархизма. Что касается опыта Западного Курдистана, то здесь созданию практик прямой демократий способствовали внутренние условия: консолидация населения перед внешними угрозами; сильный традиционный институт общин; неиерархичность курдского общества. К тому же эти практики сильно отличаются от тех, что предлагал Букчин в своих работах. Главная же проблема теории либертарного муниципализма и многих других теорий современного анархизма остается невозможность предложить изменение экономической системы, которая бы исправила недостатки современного капитализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Книги и статьи

- 1 Антология современного анархизма в 2 т. / под ред. А. Цветкова – М.: Ультра. Культура, 2009 – Т. 2. – 247 с.
- 2 Айбога, Э. Как работает демократия Рожавы / Э. Айбога // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.:Common place, 2017. – С. 82–92.
- 3 Бакунин, М.А. Государственность и анархия / М.А. Бакунин – М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. – 704 с.
- 4 Бакунин, М.А. Философия. Социология. Политики / М.А. Бакунин – М.: Правда, 1989. – 527 с.
- 5 Барг, М.А. Социальная утопия Уинстенли / М.А. Барг // История социалистических учений: сб. науч.статей – М.: изд-во АН СССР, 1962. – С. 58–88.
- 6 Бахер, З. Как курды строят утопию по среди войны / З. Бахер // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.:Common place, 2017. – С. 64–72.
- 7 Биэль, Дж. Автономия вместо государства / Дж.Биэль // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.:Common place, 2017. – С.38–46.
- 8 Биэль, Дж. В гостях у амазонок / Дж.Биэль // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.:Common place, 2017. – С. 106–112.
- 9 Блэк, Б Анархизм и другие препятствия для анархии / Б. Блэк – М.: Гилея, 2004. – 315 с.
- 10 Букчин, М. Реконструкция общества / М. Букчин – Н. Новгород: Третий путь, 1996. – 425 с.
- 11 Букчин, М. Социальный анархизм или анархизм образа жизни? / М. Букчин – М.: Самоопределение, 2013. – 295 с.

- 12 Герен Д. Анархизм: от теории к практике / Д. Герен: пер. с англ. Т. Давыдова. – М.: изд-во Радикальная теория и практика, 2015 – 130 с.
- 13 Гребер Д. «Правительство Рожавы для успокоения иностранцев / Д. Гребер // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.:Common place, 2017. – С. 46–54.
- 14 Гринин Л.Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории. / Л.Е. Гринин // История и современность – 2006. – Вып.6. – С. 54–68.
- 15 Ежова Е.А. Духовные истоки философского анархизма, этапы его развития и проблемы определения / Е.А. Ежова // Вестник мурманского государственного технического университета – 2004 – том 7 – № 2 – С. 217–224.
- 16 Зерзан, Дж Первообытный человек будущего / Дж. Зерзан – М.: Гилея, 2007 – 224 с.
- 17 Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П.А. Кропоткин. – М.: Правда, 1990. – 642 с.
- 18 Лебский, М. Почему Курды отказались от собственного государства / М. Лебский // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.:Common place, 2017. – С. 240–248.
- 19 Лебский, М. Проблемы и перспективы экономики Курдистана / М. Лебский // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.:Common place, 2017. – С. 198–206.
- 20 Лебский, М. Рожава – надежда Ближнего Востока / М. Лебский // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.:Common place, 2017. – С. 216–224.
- 21 Леонтьева А.Н. Современные вызовы развитию местного самоуправления в России и Норвегии / А.Н. Леонтьева, Виноградова М.В, Шумилов М.М. // Управленческое консультирование – 2016.– № 2 – С. 119–144
- 22 Лурье, С.Я. Антифонт – творец древнейшей анархической системы / С.Я. Лурье – 2-е изд., доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.–168 с.

23 Мамут, Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания / Л.С. Мамут. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

24 Нахов, И.М. Философия киников (Из истории мировой культуры) / И.М. Нахов. М.: Наука, 1982. – 224 с.

25 Оджалан, А. Манифест демократического общества. Книга пятая: Курдская проблема и решение модели демократической нации / А. Оладжан – М.: Радикальная теория и практика, 2016. – 634 с.

26 Петров, Д. Две перспективы курдской политики / И. Петров // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.: Common place, 2017. – С. 312–320.

27 Петров, Д. Как курды строят утопию посреди войны / И. Петров // Жизнь без государства: революция в Курдистане: сб. науч. статей – М.: Common place, 2017. – С. 20–24.

28 Пионткевич, Л.Ю. / Проблема тотальности власти в философии М.Фуко и Дж. Зерзана / Л.Ю. Пионткевич // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки – 2008 – Вып. 7 – №6 – С. 394–399

29 Политика. Толковый словарь / Д.Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем и др. – М.: Изд-во Весь Мир, 2001. – 645 с.

30 Поляков, Д.Б. Постаанархизм. Сол Ньюмен и теория новой радикальной политики / Д.Б. Поляков // Опыт философского размышления – 2015. – Вып. 6 – № 16. – С. 51–56.

31 Прудон, П. Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти / Пьер-Жозеф Прудон; пер. с новейш. фр. Ф. Капелюша. – СПб.: Мысль, 2011 – 408 с.

32 Прудон, П. Французская демократия / П. Прудон; пер. с фр. Н. Михайловский. – 2-е изд., доп. – М.: КРАСАНД, Эдиториал УРСС, 2011. – 408 с.

33 Рябов, П.В. Краткий очерк истории анархизма в XIX–XX веках; Анархические письма / П.В. Рябов – М.: КРАСАНД, 2017. – 182 с.

34 Сафронов, В Политическое участие в странах Европы: общественный контекст и социально-культурные неравенства / В. Сафронов // Телескоп – 2015– №1 (109) – С.26–36

35 Такер, Б. Свобода, равная для всех / СПб.: Ан-пресс, 1997. – 335 с.

36 Ударцев, С.Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России / С.Ф. Ударцев. – М.: Форум, 1994. – 310 с.

37 Флах, А. Курдистан: реальная демократия в условиях войны и блокады / А. Флах, Э. Айбог, М. Кнапп – М.: Радикальная теория и практика – 2016 – 348 с.

38 Штирнер, М. Единственный и его собственный / Макс Штирнер; пер. с нем. Б.В. Гиммельфарб. – Харьков: Основа, 1994. – 560 с.

39 Эльцбахер, П. Суть анархизма / Поль Эльцбахер; пер. с нем. Б. Яковенко. – М.: АСТ МОСКВА, 2003. – 351 с.

Internet-источники

40 Абад де Сантильян, Д. Позиция в отношении анархизма и синдикализма / Диего Абад де Сантильян, Аранго Э. Л.; пер. с англ. В. Дамье. – <http://aitrus.info/node/689>.

41 Блэк Б. Упразднение работы. – <http://ru.theanarchistlibrary.org/library/boblek-uprazhdenie-raboty>.

42 Всемирный доклад 2016: Сирия – <https://www.hrw.org/ru/world-report/2016/country-chapters/286044>.

43 Дамье В.В. Испанская революция и коммуны Арагона – <http://aitrus.info/node/80>.

44 Дамье В.В. Испанские анархо-синдикалисты и проблема государственной власти (1936 -1939 гг.) – <http://aitrus.info/node/1055>

45 Марч Л. Что осталось от левых в Центральной и Восточной Европе? / Л. Марч // РСМД – http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-ostalos-ot-levykh-v-tsentralnoy-i-vostochnoy-evrope/?sphrase_id=262560. – 2013. – 29 августа.

46 Маршалл, П. Копать, чтобы быть свободными: История английских диггеров – <https://ru.theanarchistlibrary.org/library/piter-marshall-kopat-chtoby-byt-svobodnymi-istoriya-anglijskih-diggerov>.

47 Кропоткин, П.А. Государство и его роль в истории – <https://drive.google.com/file/d/0B94jiYiyxxDHUmstTkImUWQzZk0/view>. – 37 с.

48 Экология убивает миллионы людей – <http://www.ecosever.ru/article/19023.html>.

49 Alagna, F. How to change a city from the bottom up: an Italian example / F. Alagana, A Sakalis // open Democracy – <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/federico-alagna/how-to-change-city-from-bottom-up-italian-example>. – 2015. – November 4.

50 Albert, M. Assessing Libertarian Municipalism / M. Albert // ZNET – <https://zcomm.org/znetarticle/assessing-libertarian-municipalism-by-michael-albert/>. – 1999. – November 1.

51 Albert, M. Exploring Libertarian Municipalism / M. Albert // ZNET – <https://zcomm.org/znetarticle/exploring-libertarian-municipalism-and-parecon-by-michael-albert/>. – 1999. – December 31.

52 Baird, K. A New International Municipalist Movement Is on the Rise – From Small Victories to Global Alternatives / K. Baird // open Democracy – <https://truthout.org/articles/a-new-international-municipalist-movement-is-on-the-rise-from-small-victories-to-global-alternatives/>. – 2017. – 9 June.

53 The Social Contract of Rojava Cantons in Syria. – <https://civiroglu.net/the-constitution-of-the-rojava-cantons/>.

Источники на иностранных языках

54 Abad de Santillan, D. After revolution / Diego Abad de Santillan – Sydney: Jura Media, 1996. – 303 p.

55 Anchukaitis, J. Understanding contemporary anarchism / J. Anchukaitis – US:Cambridge,2016 – 50 p.

56 Amster, R. Anarchy, utopia, and the state of things to come / R. Amster // Contemporary Anarchist studies: anthology of anarchy – London: Routledge, 2009. – P. 290–302.

57 Biehl, J. The politics of Social Ecology. Libertarian Municipalism / J. Biehl, M. Bookchin – London: Black Rose Books, 1998. – 101 p.

58 Bookchin, M. Social Ecology and communalism / M. Bookchin – US: AK-press, 2006. – 121 p.

59 Bookchin, M. To Remember Spain: The Anarchist and Syndicalist Revolution of 1936 / M. Bookchin. // New Politics – 1993 – V.8 – P. 4-39.

60 Cemgil, C. The «Rojava» Revolution' in Syrian Kurdistan: A Model of Development for the Middle East? / C. Cemgil, C. Hoffmann // IDS bulletin-institute of development studies – 2016 – V.47 – № 3 – P. 53–75.

61 Clark, J. Municipal dreams. A Social Ecology critique of Bookchin's Politics / John Clark // New Politics – 2000 – V. 2 – P. 56–88.

62 Leezenberg, M. The ambiguities of democratic autonomy: the Kurdish movement in Turkey and Rojava / M. Leezenberg // Southeast European and Black Sea studies – 2016 – V.16 – №4 – P.671–690.

63 McDowall, D. Modern history of the Kurds / D. McDowall. – London: Tauris, 2005 – 515 p.

64 Miliszewski, K. Libertarian municipalism in murray bookchin's social thought / K. Miliszewski // Torun Social Science Review – 2017 – V.2 – P.15–25

65 Oved, Y. «Comunismo libertario» and Communalism in the Spanish Collectivization (1936 - 1939). / Y. Oved – Prague: Anarchism: Community and Utopia, 1993. – 172 p.